

ВАЛДЕМАР ЛЮФТ

БИЛЕТ В МУСОРЕ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Валдемар Люфт

**Билет в мусоре.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Люфт В.

Билет в мусоре. Сборник рассказов / В. Люфт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904050-3

В книге собраны рассказы разных жанров: фэнтези, любовная лирика, полуавтобиографическая новелла. Автор — мастер создать настроение. Герои его рассказов живут в одно время с читателями, он повествует о вещах, присущих человеческой природе, и рассказывает о них так, что читатель невольно примеряет все описанные ситуации и состояния на себя. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-904050-3

© Люфт В.
© Издательские решения

Содержание

Бабарашка	6
Встреча	13
Дождь виноват	25
Билет в мусоре	30
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Билет в мусоре

Сборник рассказов

Валдемар Люфт

© Валдемар Люфт, 2019

ISBN 978-5-4490-4050-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бабарашка

Наши соседи снизу выехали. Хорошие были соседи. Два светленьких, приветливых старых человека. Без особых претензий, улыбочивые и, главное, не назойливые. У них в квартире было обычно тихо. Сначала я удивлялся, почему к ним мало кто ходит. Не вытерпел как-то и спросил. Оказывается, дети у них есть, только вот живут далековато. И действительно, за эти несколько лет, что они жили в нашем доме, приезжал один раз мужчина в возрасте лет пятидесяти, с женой и двумя детьми, в другой раз – женщина помоложе с девушкой лет двадцати. Мужчина был похож как две капли воды на своего отца, а дочь больше походила на свою мать. Старички, когда заехали в квартиру лет шесть назад, вначале тоже часто уезжали в гости, но потом женщина приболела, и они вот уже года четыре далеко не ездят. Иногда только к своей племяннице, которая живёт в двадцати километрах, но никогда там ночевать не оставались, даже если было поздно, всё равно возвращались домой. Привозили их или муж племянницы, или её дети. Полгода назад соседка заболела и перестала выходить на улицу. Несколько раз приезжала «Скорая помощь», но лучше больной не становилось. Старичок бегал в магазин, в аптеку, готовил обед, поддерживал свою половинку как мог. Видимо, родные решили их забрать к себе. Оно и правильно. Я видел, когда старичок садился в машину сына, как блеснули слёзы на его глазах. Подумал тогда: что тут жалеть, радоваться надо – к детям переезжают, всё не одни будут.

Соседи выехали, и квартира осталась пустой. Её хозяин дал объявление в газету о продаже квартиры и новых жильцов запускать не стал. Как раз начался кризис, и люди в это нестабильное время не очень-то охотно вкладывали деньги в недвижимость.

Месяца два назад из нежилой квартиры снизу стали раздаваться тревожные постукивания. Такие стуки я уже однажды слышал, но за давностью лет про них забыл. Впервые этот странный звук я услышал, когда пожилая пара поселилась под нами. Особенно в те дни, когда они уезжали надолго в гости к своим детям, меня часто ночью будили эти мелкие постукивания в их квартире. Не знаю, как днём, а ночью их было хорошо слышно. От этого стука я иногда просыпался. Стук длился недолго – несколько секунд. Казалось, кто-то неожиданно рассыпал шарики от подшипника на стол или на пол. Когда хозяева квартиры возвращались домой, странные стуки прекращались. Только один-два раза в месяц, когда почти забывал о них, я вдруг с испугом просыпался ночью, не понимая, то ли мне послышался звук рассыпавшихся шариков, то ли мне что-то тревожное приснилось. В том году, когда эти стуки только начались, я спросил дедушку о причине их появления. Он понятия не имел, откуда эти звуки берутся. Вместе с ним обследовал всю его квартиру, проверил все соединения в кроватях, в шкафах, на стульях и столах, но причину так и не обнаружил. Потом, когда мои соседи перестали надолго уезжать, звуки окончательно прекратились, и я о них за эти годы забыл. И вот снова начался этот ночной кошмар. Я спросил соседей напротив, слышат ли они эти постукивания, но они посторонних и непривычных звуков не слышали. Всё это для меня было довольно-таки загадочным. Особенно странным было то, что звуки шли из пустой квартиры. Через месяц я постепенно привык к стукам и перестал испуганно просыпаться. Услышав сквозь сон ставший привычным звук, я поворачивался на другой бок и спокойно спал дальше. Но потом в моей квартире начались другие странности. Однажды жена встретила меня в дверях с упрёком:

– Ты что это не выключаешь ночную лампу, когда уходишь на работу? – спросила она.

– Не может быть. Уходя, всё выключил, – с удивлением ответил я.

Мы списали тогда этот факт на мою забывчивость, хотя, вообще-то, за мной этого не наблюдалось. Но через пару дней, когда в обед жена пришла домой, оказались включенными уже обе прикроватные лампы. Вечером, за ужином, мы обсуждали этот факт и пришли к выводу, что, скорее всего, я перепутал лампы и автоматически, вместо того, чтобы пройти

на свою сторону и выключить лампу, я прошёл на сторону жены и включил её лампу. Эти лампы включались на три положения, и на первом положении свет в лампах был еле заметен. Я мог, торопясь на работу, просто не обратить внимания на оставшийся в спальне тусклый свет. Мне было неудобно чувствовать себя идиотом. В таких вещах я был всегда аккуратен. В меня начало вкрадываться даже некоторое опасение, не заболел ли я. Еще через неделю моя жена получила отгул и осталась дома. Обычно она уходила раньше меня на работу. Когда же у неё бывали такие отгулы, она спала утром долго и вставала в девять часов. В то утро она проснулась раньше оттого, что почувствовала, как включилась настольная лампа со стороны мужа. Меня уже не было дома, поэтому странным было вдруг проснуться от света лампы, которую на самом деле никто не включал. Вечером жена рассказала мне об этом. С одной стороны, пришло облегчение, что все-таки не я виноват в этих непредвиденных включениях ламп, но, с другой стороны, надо было найти причину этого явления. Остановились на том, что в лампах что-то не в порядке с электроникой. Решили в субботу поехать в магазин, где с полгода назад были куплены эти модные лампы, и, в соответствии с гарантией, поменять их на исправные.

На моей фирме с приходом зимы стало меньше заказов. Мастер предоставлял рабочим по очереди отгулы. Мне выпало остаться дома в четверг и пятницу. Утром в четверг привычка взяла свое, и я уже в половине седьмого проснулся. Жалюзи на окне были неплотно прикрыты, и с улицы пробивался свет из соседнего подъезда. Потом свет потух, и в спальне снова стало темно. Вставать не хотелось, и я лежал, наслаждаясь покоем и тишиной. Вдруг зажглась лампа со стороны жены. Её тусклый свет осветил шкаф, комод, картину над моей головой, портрет на стене. Но не внезапно включившийся свет взволновал меня – я вдруг почувствовал присутствие постороннего в спальне. И сознание того, что кто-то, кроме меня, находится в квартире, заставляло усиленно биться сердце. Мне стало не хватать воздуха, я боялся пошевелиться под одеялом. Через минуту страх стал уходить, и я стал трезво размышлять. Жена на работе, входная дверь на замке, балконная дверь, как правило, зимой закрыта. Не могут быть посторонние в квартире. Скорее всего, мне показалось. Самопроизвольное включение лампы опять списал на неисправность электроники.

Встав, я заправил койку, сходил в ванную комнату и приготовил на кухне кофе. Я любил эти утренние часы, когда соседи разойдутся на работу, их дети в школу или в садик, когда на улице исчезает звук моторов проезжающих машин, и только иногда со стороны больницы в тишину ворвётся сирена «Скорой помощи» или внезапно на далекой железной дороге простучит состав по рельсам. За стеклом властвовала зима, недавно выпавший снег ещё не совсем растаял, голые деревья чуть покачивались на морозном ветру. Случайная птица, устроившись на ветке, нахохлилась, превратившись в маленький лохматый мячик, и, нервно подёргивая головой, любопытно заглядывала в моё окно. Я долго наблюдал за замёрзшей птицей, и в голове вдруг прекратилось течение мыслей. Ни о чём не думалось, ничего не тревожило душу, ни до чего не было дела, и апатия расплзалась по всему телу. Было лень поднять кружку с кофе, было лень поменять позу, было лень отвести глаза от окна. Птица за окном в упор смотрела в мои зрачки, и в мозгу вдруг прозвучала отрывистая фраза: «Вот, сидишь, тебе хорошо, а мне одиноко и холодно». Я испуганно дёрнул головой.

Птица снялась с места и улетела, и одновременно где-то совсем рядом простучали мелкие шарики подшипника. Я вновь почувствовал недалеко от себя присутствие постороннего. В кухне в этот пасмурный зимний день было не очень светло, но лампу я не включал. Напротив меня, в углу между столом и кухонным шкафом, появилось светлое пятно. Оно еле заметно шевелилось и было похоже на испарение, идущее от влажной земли в летний знойный день. Мне стало на мгновение страшно, но испуг быстро прошёл. Как будто кто-то внушил мне, что бояться нечего, опасность мне не грозит. Я успокоился до такой степени, что осмелился спросить:

– Кто ты?

Светлое пятно чуть интенсивней шевельнулось и застыло.

– Ты живое существо?

Снова легкое шевеление и тишина.

– Ты дух?

Пятно как будто стало сильнее испаряться, оно несколько раз шевельнулось и простучало шариками по столу.

– Ясно, ты дух. А звать тебя как?

Молчание. Я вспомнил, как больше десяти лет назад прочитал в журнале очерк об аномальных явлениях в одной из московских квартир. Там тоже творилось что-то сверхъестественное: падали без причины и разбивались тарелки, включался сам собой свет, хлопали двери – и связали это с потусторонним духом, которого называли Бабарашка.

– Давай я буду тебя называть Бабарашка.

Снова простучали шарики, и я понял, что моё предложение принято.

Мы сидели рядом и молчали. Точнее, молчал я, ведь дух, естественно, говорить не мог. Хотя это тоже спорно. Ведь говорил же у Шекспира дух отца Гамлета.

Я удивлялся самому себе. Долгое время был атеистом, в чудеса и в потусторонний мир не верю и сейчас. Но вот сижу рядом с духом, спрашиваю его о чём-то, ничему не удивляюсь и нахожу его присутствие нормальным.

«Может быть, нахожусь под гипнозом?» – подумал я, и тут же в мозгу простучал ответ: «Ты не под гипнозом, дух Бабарашка действительно сидит рядом с тобой». И даже слова, не мной сложенные и высказанные мысленно, не удивили меня.

С появлением духа на кухне я перестал вообще чему-либо удивляться. Во мне не было ни беспокойства, ни страха. Мало того, душа вдруг наполнилась глубоким покоем и удовлетворенностью. Это, наверное, называется счастьем, когда душа наполнена покоем, когда в мозгу не стучат назойливо тревожные мысли, когда забываешь о нерешённых проблемах, когда все органы тела здоровы, и в памяти всплывает далёкий светлый день твоего детства, в котором ты, прибежав с улицы, прижимался к бабушкиному фартуку, пахнущему подсолнечным маслом, парным молоком и свежее испечённым хлебом.

Наше молчание затянулось, и я из любопытства спросил:

– Это ты мне сказал, что тебе холодно и одиноко?

Коротко простучали шарики.

– Ты живёшь в пустой квартире снизу?

Снова стук шариков.

В меня вдруг стала вползать тоска, я почувствовал себя одиноко и потерянно. И мне стало холодно. Я понял, что Бабарашка может влиять не только на моё сознание, но и на мои чувства.

– Да, я тебя понимаю. Трудно оказаться брошенным в пустой квартире.

В памяти всплыл давно забытый страх детства. Этот страх пришёл однажды и долго сидел в подсознании, время от времени всплывая вверх. Началось всё с похорон соседской бабушки. На поминках я, пятилетний ребёнок, сидел на коленях своей бабушки и прислушивался к разговорам взрослых. Одна старенькая, худенькая, одетая во всё черное старушка на какую-то фразу моей бабушки ответила:

– Да что ты, Амалия, мы все умрём. Ведь Господь Бог давно ждёт нас там.

Она вытянула свой тонкий и прямой, как гвоздь, палец кверху, и я вдруг впервые в своей жизни подумал о смерти. Тогда, когда лежала умершая соседская бабушка в гробу, тогда, когда заколачивали его гвоздями, когда под громкий плач опускали гроб в глубокую яму – о смерти я не думал. А в тот момент, когда услышал слова седой старушки в чёрном, мне вдруг стало ясно, что моя бабушка может умереть, что мои папа и мама могут умереть, и мои братики с сестрёнками тоже могут умереть, и их закопают в землю так же, как соседскую бабушку. Остаток дня я не отходил от бабушки, мешал ей выполнять работу по хозяйству: всё боялся и со страхом

ждал, когда же придёт всесильный Боженька, чтобы забрать у меня мою любимую бабушку. Ночью мне приснился ряд гробов, в которых лежали мои родные. Два человека в рабочих робах поднимали гробы и ставили их в кузов машины, а рядом с машиной стоял огромный человек с белой бородой и нимбом над седыми волосами. Я бросился в его ноги и просил: «Боженька, не забирай у меня бабушку, папу и маму». Наверное, я громко плакал, потому что проснулся от того, что меня крепко прижимал к себе отец, а мать бегала то на кухню, то в спальню, громко приговаривая:

– Ребёнок весь горит, на, положи ему компресс на головку, а я поставлю шприцы на плиту. Сделаю ему укол пенициллина.

С тех пор стараюсь избегать похорон. И даже когда приходится принимать участие в погребении, я держусь подальше от гроба и не подхожу к краю могилы.

Холод, охвативший меня, стал уходить, и я снова ощутил тепло, идущее от батареи, и вместе с теплом на душе стало хорошо и приятно. Я снова подумал о детстве, вспомнил наш старый дом в деревне, который развалили уже много лет назад.

– Да, я тебя понимаю, – ещё раз повторил я и в ответ услышал тревожный стук шариков по столу.

В квартире соседа сверху хлопнула дверь. Кто-то торопливо спускался по лестнице. Шаги остановились напротив моих дверей. Прозвенел звонок. Я встал и открыл дверь.

– Ты слышал этот стук? – озабоченно спросил сосед.

– Что за стук? – притворно удивился я.

– Как будто кто-то железные шарики на бетонный пол рассыпает. Сначала мне показалось, что звук идёт с крыши, потом из твоей квартиры, а в последний раз как будто из подъезда внизу. Странно, что ты его не слышал. Не могло же мне всё это показаться?!

Сосед задумчиво стоял у открытых дверей, ожидая моей реакции. Но не мог же я ему рассказать о посещении духа. Кто поверит мне, что в моей квартире завёлся Бабарашка. Я неопределённо пожал плечами.

– Извини, – виновато проговорил сосед и ушёл.

Захлопнув дверь, я вернулся на кухню. Никого в ней не было. Это я чувствовал всем своим нутром. Бабарашка исчез. На прощанье он, видимо, включил свет в кухне, и теперь она была ярко освещена. Я сел на свое место за стол и стал ждать. Но Бабарашка не появлялся. Вместо него стали всплывать картины из детства, которые навсегда остались в памяти. В детстве я очень боялся шипящих гусей. Гуси, наверное, чувствовали мой страх и поэтому были особенно нахальны со мной. Пару раз от их щипков у меня на ногах выступали синяки. Дошло до того, что, увидев вдалеке мирно пасущихся гусей, я в истерике бежал домой, забивался в угол и громко звал на помощь. Надо мной смеялась вся моя родня. Но, видимо, пришёл момент, когда я перерос этот панический страх. Однажды вечером я играл во дворе и не заметил, как в калитку стали входить гуси, возвращавшиеся с рядом протекавшего арыка. Занятый игрой в альчики, я поздно услышал шипение гордого гусака. Я в ужасе повернулся к нему, с силой сжав в кулаке игральные кости. Гусь, зная о моём страхе, гордо демонстрировал гусыням свое превосходство. Но вдруг я понял, что если не буду защищаться, то на всю жизнь останусь посмешищем в глазах моих сестрёнок и братишек. Я смело шагнул навстречу гусаку, растопырил пальцы правой руки и тогда, когда он хотел нанести мне удар клювом, схватил его за шею. Гусак не ожидал этого и громко хлопал крыльями, пытаясь вырваться из моих рук. Но я держал его мёртвой хваткой. Гусыни и гусята сгрудились у калитки, не понимая, что происходит с их вожаком. Я приподнял тяжёлого гусака над землёй и потащил его к крыльцу, где сидел мой отец, отдыхая после работы. Он встал, подошёл ко мне, ухватил гусака чуть ниже моей руки за шею, отбросил его в сторону и нежно погладил меня своей широкой рабочей рукой по волосам. Тогда я впервые почувствовал себя сильным и смелым. И гуси почему-то не стали нападать на меня. Они зло шипели в мою сторону, но подходить ко мне боялись.

С тех пор очень часто, когда я одерживал победу то ли над самим собой, то ли в соревновании с кем-то, ко мне приходило чувство, будто отец снова стоит рядом и одобрительно гладит меня по голове шершавой ладонью. Только вот таких побед в моей жизни становится всё меньше и меньше.

Я выключил свет в кухне и прошёл в зал. Взяв книгу, лёг на диван и попытался читать, но мысленно снова вернулся в прошлое. На память приходили самые приятные моменты детства, о которых я за давностью лет давно забыл. И эти воспоминания делали меня счастливым. Вот и сейчас, лёжа с открытой книгой, я вспомнил вдруг экзамены за восьмой класс. В то время я серьёзно увлёкся поэзией. Писать стихи начал еще во втором классе, а в четвертом написал большое стихотворение, начинающееся словами: «О, Бог, ты не любим...» – и так далее, которое послал сразу в журнал «Юность». Оно было написано в подражание монологу Чацкого, пафосно и возвышенно. Я получил тогда от редакции вежливый ответ с отказом публикации моего «шедевра» и пожеланием дальнейших успехов. Но к восьмому классу я писал уже хорошие стихи, некоторые из них были напечатаны в районной газете, и за мной закрепилась слава поэта. На экзамене по литературе я выбрал свободную тему и написал сочинение в стихах. Помню, как через пару дней всех восьмиклассников собрали в актовом зале, чтобы объявить отметки. Я с нетерпением ждал, когда назовут мою фамилию, но пошли фамилии на букву «м», потом на букву «п», наконец назвали последнюю фамилию «Ярошкин», и в руках директора школы осталась одна тоненькая тетрадь.

– А это сочинение нашего поэта. За это сочинение мы поставили ему пятерку за содержание и четыре за грамматику, – сказала она и передала тетрадь учительнице по литературе.

Та развернула тетрадь и стала с выражением читать выдержки из моего сочинения. Мои одноклассники оборачивались ко мне и одобрительно улыбались, а я сидел в последнем ряду актового зала, мои щеки пылали, и душу наполняло счастье. Такого счастья я больше никогда в жизни не испытывал. Это было особое счастье, которое дано человеку испытать раз в жизни. Были позже в моей жизни счастливые моменты. Я был счастлив, когда встретил свою единственную и неповторимую женщину, я был счастлив в те дни, когда родились мои дети, был счастлив, когда они делали первые шаги или говорили первые слова, когда приносили хорошие отметки из школы, когда выходили замуж или женились. Но это другое счастье. Ощущение того счастья, испытанное мною в актовом зале, когда учительница литературы, которую я тайно любил, читала одноклассникам мои стихи, в мою жизнь больше никогда не приходило.

Я подумал, что все эти воспоминания, скорее всего, вызваны встречей с Бабарашкой, и мысленно поблагодарил его за это. И тут же снова почувствовал присутствие постороннего в зале. Светлое пятно еле заметно колыхалось недалеко от меня в кресле. На фоне балконной двери оно было почти незаметно. Для уверенности спросил:

– Ты здесь, Бабарашка?

Мелкая дробь пробежалась по журнальному столику.

– Слушай, Бабарашка, давай не будем стучать по столу. Ты же можешь мне по-другому отвечать. А то опять сосед прибежит.

Дух молчал, но светлое пятно еле заметно шевелилось на кресле.

– Ты хочешь к нам переселиться? – спросил я.

– Нет, – пробежал ответ в моей голове.

– А что ты хочешь?

– Мне надо к старикам, – ответил дух.

– Ты же дух! Переехал бы с ними. Насколько я знаю, духи могут свободно передвигаться в пространстве.

– А вот я не могу. Мой дух может переместиться на расстояние только в ком-то.

– Почему же ты с дедом не поехал?

– Это возможно лишь с тем человеком, который испытывает счастье или вспоминает о былом счастье.

– Неужели у деда не было в жизни счастья?

– Он был счастлив, но с болезнью его жены всё меньше и меньше вспоминал о счастливых днях. А когда приехал за ними сын, старик был наполнен горем. В его мыслях не осталось мест для счастливых воспоминаний. Я болею, когда человек, с которым я связан, горюет. Вот и в день переезда мне было плохо. Я не мог пересилить его горе. Теперь же я поправился и знаю, что деду без меня плохо. Если в ближайшие дни не появлюсь у него, старики умрут. И перевезти меня к нему может только человек, который помнит ещё о пережитом счастье.

– Ну, спасибо. Это что же получается, ты хочешь, чтобы я перевёз тебя за сотни километров к деду с бабкой? Я уже давно не езжу на длинные расстояния.

– Пойми, мне и старикам можешь помочь только ты. Без меня они пропадут... а без них пропаду я.

Громкий и тревожный стук прошёлся по журнальному столику, по ламинату, испарение в кресле стало заметней и вдруг пропало.

Мне стало снова холодно. На улице вышло из-за туч солнце, и в комнате посветлело. Скоро заканчивалась смена жены. Она рано уходила на работу и к обеду приходила домой. Я забирал её с работы, если был дома. Вот и сейчас мне надо было уже ехать за ней.

Стоял небольшой мороз. Второпях я забыл накинуть шарф, и морозный ветерок тут же проник под воротник и стал щипать шею и грудь. Я быстро пробежал к машине, сел за руль, включил двигатель и стал ждать, когда на застывшие стекла пойдёт тепло от мотора. Дорогу с утра посыпали солью, и в тех местах, где ночью образовался гололед, теперь чернели лужи. От них поднималось испарение, и я вспомнил про Бабарашку. Его просьба не отпускала меня. Я уже знал, что, хочу или нет, но поеду туда, где сейчас живут дед с бабкой – мои бывшие соседи. Вот только как преподнести эту поездку жене, я не знал...

По пути я не осмелился заговорить с женой о поездке. Но когда у дома поставил машину на стоянку, набрался смелости и сказал:

– Знаешь, Лина, мне хотелось бы завтра куда-нибудь поехать и отдохнуть. Просто так, отключиться от всего. Хоть в Ульм, хоть в Равенсбург, хоть на Бодензее – но только куда-нибудь подальше, и побродить по улочкам или по берегу озера. Ты не возражаешь?

– Давай вместе поедem в субботу.

– Нет. Я не хочу ждать субботы. Да и как всегда – только мы что-нибудь наметим, как тут же кто-нибудь перечеркнёт все наши планы. Когда ещё выпадет мне такой свободный день?

– Мне всё равно. Езжай, отдохни, если хочешь, – на удивление легко согласилась жена.

Вечером, когда жена задремала на диване, я позвонил племяннице моих бывших соседей. Их номер я нашел в телефонном справочнике. Не объясняя причины, попросил у них новый адрес стариков и без лишних вопросов получил его. На следующее утро я встал сразу, как только хлопнула дверь за ушедшей на работу женой. Когда пил кофе, снова пришёл Бабарашка. Светлое пятно напротив меня было ярче, чем вчера, и отдавало какой-то искрящейся синевой. То ли от кофе, то ли от присутствия Бабарашки я вдруг почувствовал себя свободным и счастливым. Мне казалось, что если сейчас взмахну руками, то полечу как птица. И в голове установилась какая-то ясность. Ни одной тревожной мысли не пробежало в ней. Пока я завтракал, мы молчали. Когда встал из-за стола, спросил Бабарашку:

– Как ты собираешься со мной ехать?

– Ты езжай и не беспокойся.

После этих слов искрящее пятно исчезло, весело пробежали шарики по столу, и я стал чувствовать себя счастливым. В таком состоянии я был готов перевернуть горы.

Установив в машине навигатор, выехал из города. Дорога после ночного снегопада была трудной, но я не уставал. Я даже не нервничал, как обычно, когда стоял полчаса в пробке,

когда несколько километров пришлось плестись следом за двумя параллельно идущими грузовиками, когда один идиот на «Порше», обгоняя, подрезал меня, чуть не задев крыло моей машины. Все эти сложности проходили мимо меня. Я сосредоточенно ехал, и в моей душе царил праздник.

Через четыре часа добрался до нужного города. Навигатор привел меня на его окраину к недавно построенному дому. Я остановился у тротуара. Он был очищен от снега и посыпан мелкой щебёнкой. Войдя во двор, поднялся на крыльцо и позвонил в дверь. Открыла симпатичная женщина.

– Дядя Алексей здесь живёт? – спросил я.

– Да. А вы кто?

– Я его бывший сосед.

– Подождите минутку, – проговорила она своим мелодичным голосом и исчезла.

Через две минуты дверь осторожно открылась, и в неё выглянул мой бывший сосед. Его глаза были усталыми и с надеждой смотрели на меня.

– Здравствуйте, дядь Алексей, – сказал я и протянул руку для приветствия.

Он вышел на крыльцо. Следом из глубины дома послышалось:

– Папа, накинь на себя что-нибудь, на улице холодно.

– Я ненадолго, доченька, – ответил дед и прикрыл за собой дверь.

Он вопросительно смотрел на меня и, по-моему, догадывался, зачем я приехал.

– Вот, дядь Алексей, я вам привёз его.

Дед ничего мне не сказал. Он подошёл ближе и обнял меня. Я чувствовал, как мелко подрагивает его тело. Его худые руки прижимали меня к себе. Мне хотелось погладить седые волосы старика, но постеснялся. Он отпустил меня и отступил на полшага. Я снова видел его глаза – они были мокрыми. Но выражение в них было уже совсем не то, что буквально с минуту назад. В них появился живой огонёк.

– Зайдёшь, пообедаешь с нами?

– Нет, дядь Алексей, извини, мне надо домой.

Я развернулся и пошёл к машине.

– Спасибо, – сказал вслед дед.

И вдруг на крыльцо весело посыпались шарики от подшипника. Состояние возвышенности и счастья ушло, но чувство удовлетворения наполняло меня, как после какой-то важной победы. И я вновь, как много лет назад, почувствовал, как меня гладит по голове шершавая ладонь отца.

Встреча

Самолёт приземлился в аэропорту Ираклиона. Уже на выходе из самолета Якоб почувствовал обжигающее солнце, светившее с высоты. За ограждением аэропорта виднелись пологие холмы с пожелтевшей травой и пирамидальными, похожими на тополя, деревьями. Ландшафт напоминал ему природу южного Казахстана, где он родился и прожил большую часть своей жизни. И как-то сразу стало легко на душе. Он никогда не был в Греции, а тут случайно попала горящая недельная путевка на остров Крит. Одну неделю отпуска они с женой отдыхали на даче. В прошлую субботу были приглашены на юбилей дальней родственницы. Когда пришли бумаги из турбюро, стало тревожно на душе. По телевизору показывали бесконечные забастовки в Греции, многотысячные демонстрации и драки ультраправых с полицией. Путёвки так резко подешевели, наверное, потому, что не стало желающих ехать на отдых в эту беспокойную страну.

В Ираклионе на забастовки и на какие-то волнения не было и намёка. Приветливый персонал заученно улыбался гостям, отъезжающие и прилетевшие пассажиры были озабочены традиционными проблемами, мирно беседовали шофёры выстроившихся вдоль аэропорта автобусов. Якоб с женой нашли стойку представителя туристической фирмы. Миловидная девушка показала им автобус, который должен был отвезти их в другой город. Они заняли места недалеко от водителя. Надо было ещё ждать несколько минут, пока не придут остальные туристы. Сиденья постепенно заполнились, и машина тронулась с места. Сначала ехали по узким улочкам города, на окраине у шикарного отеля высадили семейную пару, и через десять минут вырулили на автобан. Скорость увеличилась. Водитель включил кондиционер, и в автобусе стало прохладней. Якоб с женой, обменявшись несколькими фразами, откинули сиденья и отдыхали, посматривая иногда в стёкла автобуса. Город остался позади. Справа виднелось синее море. Пологие холмы были засажены оливковыми деревьями и виноградом. Солнце давно перевалило зенит, и, когда автобус на извилистой дороге подставлял свой правый бок под его лучи, приходилось недочитанной газетой прикрывать голову, чтобы не получить солнечный удар. Жена, в конце концов, задёрнула занавеску на автобусном окне. Так сделали многие пассажиры, и в салоне стало сумрачно. Водитель заезжал по дороге в отели и высаживал пассажиров, поэтому дорога до города Рефимно – конечный их пункт – оказалась намного длиннее.

Когда жена задёрнула занавеску, Якоб прикрыл глаза и стал вспоминать юбилей родственницы, на котором они были неделю назад. На самом деле, он не очень-то любил шумные праздники, но почему-то та суббота особенно запала в память. Запомнились не дальние родственники, которых годами не видел, не общие знакомые из прошлой жизни, о которых уже почти забыл. В памяти осталась и тревожила волнительно душу женщина, которая красиво пела знакомые песни. Она пришла вместе с её другом-гитаристом. Мужчина был лет тридцати пяти, высокий и худощавый. Его длинные волосы были небрежно зачёсаны назад, одет он был в простые и поношенные джинсы, клетчатую рубашу и немного узкую в плечах куртку. Женщина же рядом с небрежно одетым, нескладным и долговязым мужчиной выглядела изящно. На ней был чёрный элегантный подчеркивающий фигуру костюм, красивое смуглое лицо было обрамлено чёрными вьющимися волосами, собранными сзади в тугую и непослушный хвост. Ей было за тридцать, но выглядела она на восемнадцать. А голос её был бесподобен! Она пела романсы, и когда её идущий из глубины голос с цыганским оттенком брал высокую ноту, у Якоба останавливалось на мгновение дыхание. Он боялся вдохнуть или выдохнуть, чтобы случайно не помешать этому звучащему в многолюдном зале звуку наполнить его дрожащую душу до самого края. Потом были танцы. Через мощные усилители лилась современная музыка. Мужчина умело управлял музыкальной аппаратурой, одна песня сменяла

другую, и танцующие не оставляли круг, зараженные весельем и подогретые спиртным. А Якоб нетерпеливо ждал, когда снова будет петь молодая женщина. Но она не подходила к микрофону, сидела в кругу нескольких женщин, видимо, знакомых, и о чём-то с ними разговаривала. Якобу хотелось подойти и заговорить с ней, но непонятная робость овладела им. На самом деле, он легко сходилась с людьми, и если хотел с кем-нибудь познакомиться, то всегда находил возможность сделать это. А сейчас он не узнавал себя. Женщина чем-то напоминала ему его первую школьную любовь. И тогда – в девятом классе – он, влюблённый в самую первую школьную красавицу, весь год только и делал, что исподтишка наблюдал за ней. Он вспомнил, как уговаривал себя подойти к девушке из параллельного класса, но, сделав один шаг в её сторону, чувствовал, как ноги вдруг делались ватными, лёгким не хватало воздуха, горло пересыхало, мысли путались, и он даже про себя не мог выговорить ни одного слова.

Женщина, наконец-то, снова подошла к микрофону, мужчина отключил аппаратуру, взял гитару, и она запела песню, которую Якоб очень любил. В зале было шумно. Подвыпившие гости были заняты своими делами. Кто нашёл собутыльников и усиленно подогревался спиртным, кто, проголодавшись, набирал себе еду у столов с блюдами, кто громко разговаривал с родными или знакомыми, которых долгие годы не видел. Якоб же, присев у края стола, поближе к музыке, заворожённо слушал этот дивный голос, впитывал в себя слова песни:

«Но мой плот,
Свитый из песен и слов,
Всем моим бедам назло,
Вовсе не так и плох».

Он никогда не слышал эту песню в женском исполнении, но голос певицы делал её ещё значимей и родней. Женщина, видимо, почувствовала внимание к ней и иногда бросала короткий взгляд в его сторону и загадочно улыбалась.

Якоб в тот день так и не познакомился с ней. Уже поздно вечером, когда музыканты уехали, он спросил у юбилярши, кто была эта женщина, которая так красиво пела. Оказывается, эта красивая и притягательная женщина была давно замужем, и у неё росли две дочери. Замужем или не замужем – это ничего не меняло. Состояние прикосновения к чему-то прекрасному и возвышенному так и осталось в нём с субботы и тревожило по-прежнему душу. Сейчас, сидя в автобусе, Якоб подумал, что с такой женщиной можно было бы забыть всё на свете. Наверное, из-за таких женщин люди бросают жён и детей, расстаются с благополучной работой, уезжают за ними на край света.

Автобус свернул с автобана и въехал в город. Улица тянулась вдоль моря. Слева бесконечным рядом стояли то отели, то небольшие магазинчики, то рестораны и кафе, а справа синело море, берега которого были заставлены распахнутыми зонтами и расставленными лежанками. В море плескались счастливые отдыхающие. По тротуару не спеша шли легко одетые туристы. Водитель делал частые остановки, и когда дверь открывалась, чтобы выпустить на улицу очередную пару туристов, в охлаждённый кондиционером салон вползало тепло и запах моря. На одной из остановок предложили выйти Якобу с женой и ещё одной пожилой паре. Водитель вытащил из багажного отделения вещи и переложил их в рядом стоявшее такси. Автобус уехал дальше, а таксист, когда расселись пассажиры, свернул в ближайший переулок, и через несколько минут езды по маленьким извилистым улочкам они оказались перед небольшим отелем. Туристов уже ждали. Им тут же раздали ключи от номеров, объяснили порядок работы ресторана, и Якоб с женой в сопровождении молодого человека, забравшего у них чемодан и сумку, поднялись на второй этаж. Номер оказался уютным, краска стен не навязчивой, в ванной всё блестело белым чистым кафелем, и из окна открывался вид на море и почти на весь Рефимно. Когда открыли балконную дверь, номер наполнился теплом и йодистым запахом

морской воды. Якоб с женой распаковали чемоданы, приняли душ и спустились в ресторан на ужин.

После ужина им не терпелось осмотреть город, и они прошли к набережной по узкой тропинке, которую им показала молодая гречанка из обслуживающего персонала. Тропинка сокращала вдвое путь в центр города и к берегу моря. Они бродили допоздна по старым улицам незнакомого города и, довольные увиденным и уставшие, вернулись в отель. На летней террасе отеля сидели отдыхающие. Якоб с женой тоже заняли место за свободным столиком, заказали красное вино и сидели с час, почти не разговаривая, любуясь огнями города, мельканием фонарей на яхтах в порту и наслаждаясь морской свежестью.

Утром за завтраком Якоб прислушивался к разговорам, пытаясь услышать знакомую речь. К столу подошли две женщины средних лет. Они вежливо по-немецки поздоровались, оставили тарелочки с набранной едой, принесли по чашечке кофе и сели за стол. Одна из них была выше ростом, тонкая лицом и с короткой стрижкой. Вторая была круглолицая, невысокая и чуть-чуть полноватая. Её длинные волосы были собраны на затылке заколками в аккуратный узел. Намазывая маслом булочку, та, что повыше, спросила по-русски подругу:

– Пойдём сегодня на море или останемся у бассейна?

– Давай, Эрна, пойдём к морю, но перед этим зайдём в магазин, – так же по-русски ответила другая женщина.

Якоб, довольный тем, что услышал знакомую речь, одобряюще улыбнулся жене и, повернувшись к рядом сидевшей полноватой женщине, спросил на русском языке:

– Давно вы здесь, в отеле?

Как это обычно бывает, когда встречаются люди, говорящие на одном и том же языке, женщина не удивилась вопросу. Да это и понятно: где только не услышишь русскую речь в этом беспрдельно перемешавшемся мире. Она улыбнулась Якобу и ответила:

– Мы здесь уже вторую неделю. А вы вчера прилетели?

– Да. Я Якоб, а это – моя жена Альвина, – представился он.

– Люба, – протянула маленькую ладонь круглолицая женщина.

Женщина повыше, сидевшая напротив и чуть наискосок от Якоба, в свою очередь протянула руку через стол:

– Эрна, – и спросила: – Вы пойдёте с утра к морю?

– Да. Может быть, мы пойдём вместе?

Договорились через час, когда пройдёт утренняя прохлада, встретиться у входа в отель и вместе отправиться на пляж. Завтрак прошёл в оживленной беседе. Они негромко разговаривали между собой на русском языке, и никто не бросал в их сторону беспокойные взгляды, никого вокруг не волновала чужая речь.

Море было теплым и ласковым. Якоб любил отдыхать у моря. После переезда в Европу он часто ездил в отпуск то в Хорватию, то в Италию или в Испанию. Отдых на берегу ему нравился больше, чем где-то в горах или в лесу. Они провели целый день на пляже, отвлекаясь только на обед. Их новые знакомые заказали на вторник машину, чтобы осмотреть достопримечательности острова. Договорились, что теперь поедут вчетвером, и Якоб возьмёт на себя половину расходов за аренду машины.

Воскресенье и понедельник прошли быстро. Иногда с женой, иногда с новыми знакомыми они осматривали город, побывали в старой крепости, обошли почти все маленькие узкие улочки, посидели в кафе на берегу маленькой бухты, где были пришвартованы роскошные яхты. Альвина, задремав под зонтиком на берегу моря и проморгав, когда тень ушла, сожгла себе плечи и руки. Пришлось искать аптеку, чтобы купить мазь от солнечных ожогов.

В понедельник вечером представитель туристической фирмы пригнал арендованную машину. Якоб принял ключи, и во вторник утром они выехали в сторону города Ханья. Город находился в восьмидесяти километрах от Рефимно, но дорога была хорошая. Автобан то

тянулся вдоль побережья, то местами уходил в горы. Легкий бриз веял с моря. Когда дорога шла на подъём, к йодистому запаху морской воды примешивался запах леса и горных трав. Вдоль дороги богато цвели орхидеи, выстреливали ввысь островерхие кипарисовые деревья. Якоб вёл машину неторопливо. Времени у них было достаточно, да и ему тоже хотелось что-нибудь увидеть. В одном месте они остановились на специально построенной для туристов площадке и минут пятнадцать любовались открывшимся видом бескрайнего синего моря и засаженными оливковыми деревьями крутыми берегами.

В Ханье они оставили машину недалеко от центра. Обогнув бухту, вышли к старым улочкам города, где шла оживлённая торговля. На одном из перекрёстков им преградила дорогу молодая девушка и, поздоровавшись по-русски, сунула в руки проспект магазина «Kreta Gold», вход в который находился за её спиной. Золота и драгоценностей им не надо было. Якоб спросил симпатичную девушку, как пройти к городскому рынку, и та любезно показала направление. В благодарность Якоб сфотографировал её у входа в магазин.

На крытом городском рынке они прошли вдоль рядов с продуктами, заглянули в сувенирные лавки и свернули в рыбный отдел. Некоторые виды рыб Якоб видел впервые. На одном из прилавков лежал, распластавшись, кальмар. Его пупырчатые конечности нервно двигались, пытаясь зацепиться за скользкую поверхность и сдвинуться с места. Но сил для жизни у него оставалось мало. Перед другим продавцом на столе лежала огромная рыба. Её широкие глаза на тупорылой морде не мигая смотрели на проходящих, и от этого взгляда почему-то становилось стыдно перед этим существом. Налюбовавшись на экзотических рыб, вышли на свежий воздух. По пути к берегу моря неожиданно оказались на площади с огромным храмом посередине. Здесь отдохнули в тени на скамейке, сделав несколько фотографий. Недалеко находился исторический музей. Вход в него стоил недорого, и они почти час провели в его прохладных залах, любуясь старинными скульптурами, внимательно разглядывая золотые, серебряные и бронзовые монеты, предметы семейного быта людей, живших века и тысячелетия назад. Выйдя из музея, опять окунулись в уличную толчею. Солнце поднялось высоко, и становилось жарко. Устав от городской суеты, решили покинуть город. Приближалось время обеда. Ещё вчера парень, который привёл арендованную машину, посоветовал им обедать в горах. Он назвал селение, где в тавернах готовят отличную баранину и подают козий сыр. Решили обедать в той горной деревне.

Через полтора часа, поднявшись по извилистой дороге высоко в горы, доехали до спрятанного в ущелье селения. На въезде в деревню прочитали название: Аргируполи. Приехали правильно. Проехав еще с километр, оказались в живописном месте. По обе стороны дороги поднимались горы, и на их склонах располагались несколько таверн. Они поднялись по вырубленной в камнях лестнице к одной из них. В тени деревьев и плетущихся лиан стояли деревянные столы. Из дверей каменной таверны вкусно пахло жареной бараниной. Чуть поодаль виднелся вырубленный в скале родник. Вода из медной трубки стекала в небольшой чан. Вдоль каменной лестницы сбегал вниз быстрый ручей. Якоб, наклонившись, сполоснул его холодной водой лицо. Они заняли места поближе к кухне. Отсюда открывался красивый вид на тянувшееся внизу ущелье. Обслужили их быстро. Баранина действительно оказалась отменной. Так хорошо приготовленное мясо Якоб ел в Казахстане, когда его соседи-азербайджанцы резали барана к празднику.

После обеда, допивая кофе, они сидели и обсуждали дальнейший план. Люба настаивала поехать к раскопкам, которые находились дальше в горах, а Эрна, Якоб и Альвина склонялись к тому, чтобы поехать к монастырю Аркади. Когда Якоб отставил пустую чашку из-под кофе, из кухни вышла женщина. Она прошла с кувшином к роднику, набрала воды и возвращалась назад. Якоб, не отрываясь, смотрел на неё. Она, на миг задержавшись у двери, глянула в его сторону. Её лицо еле заметно напряглось, и по губам скользнула улыбка. Якоб узнал её. Он

хотел тут же пойти за ней и назвать её по имени, но сдержался и стал отвлечённо слушать, о чём говорят женщины.

Они рассчитались и поехали к монастырю. Якоб думал о женщине, увиденной им в таверне. Лёгкое волнение и тревога беспокоили сердце. Он пожалел, что не окликнул её, но вернуться назад было уже невозможно.

До монастыря доехали за час. Он не пошёл с женщинами осматривать развалины, а вошёл сразу в церковь. Сквозь затемнённые окна с трудом пробивался свет. С потемневших фресок и икон смотрели лики святых. Их взгляды были строги и вызывали в душе чувство вины и желание оправдаться перед ними за свою грешную жизнь. Недалеко от входа сидела старая женщина. Она была похожа на засохшую мумию. Якоб несколько минут наблюдал за ней. Женщина сидела неподвижно, глаза её были плотно закрыты, и тонкие, еле заметные ладони лежали на коленях. Казалось, она давно умерла, и её высохшее тело оставили здесь для экзотики. Но вдруг чуть заметно шевельнулись пальцы, открылись бесцветные глаза, женщина живо спрыгнула со старинного кресла и семенящим шагом поспешила к выходу из церкви. Она оказалась маленькой и хрупкой. Монашеская одежда свисала свободно с плеч и держалась на честном слове. Ей было, скорее всего, уже за сто лет, и сознание того, что он встретил в церкви такую старую женщину, ещё сильнее усилило чувство вины перед святыми. Он поставил несколько восковых свечек в память о своих давно умерших родных и вышел на улицу.

С неба жгучими лучами слепило солнце, и Якоб спрятался в тени одиноко стоявшего засохшего дерева. Женщин видно не было. Войдя в открытую рядом дверь, он оказался в здании бывшего монастыря. Осмотрев старинные кельи и развалины взорванного хранилища, он вошёл в сувенирную лавку и там встретил женщин, которые покупали сувениры на память. Было уже больше четырех, когда они вышли из монастыря. Люба опять стала настаивать на поездке к раскопкам, которые, по её мнению, находились недалеко, всего в нескольких километрах от монастыря Аркади. На выезде из монастыря стоял щит, который указывал направление к раскопкам. Они проехали несколько километров и оказались в горном селении. В небольшом магазине Якоб спросил у продавца, как проехать к раскопкам. Тот долго не мог понять, чего от него хотят, но когда понял, вышел на крыльцо и показал направление. Они опять ехали несколько километров, пока окончательно не убедились, что уехали не туда, и решили вернуться в город. Тем более, время перевалило за пять часов, и они не знали, как далеко теперь они были от города Рефимно. В отель они вернулись в семь часов вечера уставшие, но всё же довольные поездкой.

Утром в среду жене от солнечных ожогов стало хуже, и она решила остаться в отеле. Подруги из солидарности остались с нею у бассейна, а Якоб, прихватив купальные принадлежности, пошёл на берег моря. Весь вчерашний вечер и всё утро он не переставал думать о женщине, увиденной им в таверне в горах. Она с годами изменилась, но, как ему показалось издавна, по-прежнему оставалась красивой. Когда-то в школе он любил её. Кажется, это была его первая юношеская любовь. Идя по тропинке к морю, Якоб вспомнил, с каким волнением ждал звонка на перемену, чтобы снова увидеть её. В свои шестнадцать лет она превратилась в красивую молодую женщину, и почти все начинающие взрослеть мальчики, солидные выпускники и даже молодые учителя подолгу провожали её глазами, когда она проходила мимо. Ходили слухи, что она встречается со взрослыми мужчинами, и это подогревало ещё больший интерес неопытных мальчиков к этой кокетливой девушке. Якоб слухам верить не хотел. В его глазах девушка выглядела невинной и прекрасной. Вот только подойти к ней и признаться в своей любви он никак не решался. И чем дольше он не решался заговорить с девушкой о своих чувствах, тем тяжелее было пойти на этот шаг.

По пути к берегу моря Якоб купил газету и на пляже, окунувшись в тёплую воду, не стал брать зонт и лежанку, а расположился в тени хилого куста и стал читать. Известная бульварная немецкая газета коротко и квалифицированно рассказывала об актуальных проблемах.

Немного политики, немного сплетен, шокирующие факты банковских афер, таблица доходов тех людей, которые ввергли мир в кризис. Больше всего в газете его интересовали спортивные страницы. Приближался чемпионат мира по футболу, и большинство материалов были посвящены этому событию. Якоб с интересом прочитал последние футбольные новости, пару раз поплавал в море и, когда пришло время обеда, собрал вещи и пошел к променаду, где располагались многочисленные кафе, рестораны и закусочные.

На променаде, как обычно, было многолюдно. Особенно в обеденные часы туристы либо спешили в свои отели, либо искали подходящий ресторан или кафе, либо закупались в небольших магазинах, где на прилавках лежали свежие овощи, фрукты, хлеб и различные продукты. Якоб шёл к маленькому и уютному ресторану, где они с Альвиной уже однажды обедали. Переходя дорогу, обратил внимание на щит с объявлением. Автосалон предлагал дешево машину в аренду. Якоб зашёл в салон. За стойкой стояла молодая женщина. Он спросил её, сколько бы стоила ему аренда машины на полдня. Женщина его не поняла. Она громко крикнула на греческом языке в открытую за нею дверь, и оттуда тотчас же вышел пожилой мужчина. Он говорил по-немецки с большим акцентом, и Якоб повторил свой вопрос. Мужчина назвал цену, они немного поторговались и сошлись на том, что Якоб возьмет машину только до 18 часов и заплатит за это тридцать евро. Мужчина за десять минут оформил документы на аренду, они удостоверились, что топливный бак небольшого «Опеля» заполнен полностью, проверили работу мотора, и Якоб получил ключи от машины.

Из города выехал быстро. Тогда, когда он увидел объявление о дешёвой аренде машины, и тогда, когда вошёл в автосалон, он ещё не задумывался о том, зачем нужна ему машина. Спрашивая о цене, торгуясь, отвечая на вопросы при заполнении документа на аренду и получая ключи, он отмахивался от вопроса, который то и дело возникал в голове: зачем ему машина? Теперь признался себе, что со вчерашнего дня, с момента, как увидел знакомую женщину, он только и думал о встрече с ней.

Когда он перешёл в десятый класс, почти все его друзья уже дружили с девушками. У некоторых это была поверхностная дружба, некоторые искали просто приключений, некоторые любили друг друга по-настоящему. А Якоб продолжал любить свою девушку тайно и никому не признавался в своей любви. Однажды, после долгих мучений, он решился написать ей записку. Якоб испортил несколько листов тетрадной бумаги, но всё, что было им написано, казалось ему примитивным и неубедительным. Наконец, он всё-таки написал такой текст, который, по его мнению, мог убедить девушку обратить на него внимание. Записка была написана наполовину его собственными стихами, они были неуклюжи и не всегда звучали в рифму, но были написаны от чистого сердца. Он был уверен, что такая прекрасная девушка должна понять его чувства. Несколько дней он носил записку в нагрудном кармане рубашки, пока окончательно не созрел и попросил знакомого пятиклассника отнести записку Вале Онищенко. Ответ получил на следующий день. Тот же пятиклассник принёс ему вчетверо сложенный листок, на котором было только несколько слов: «Приходи в 9 часов вечера в пятницу в клуб. Буду ждать сзади у пожарной лестницы». Два дня Якоб был вне себя. Он получил двойку за контрольную по математике и двойку за невыполненное домашнее задание по физике. На переменах он по-прежнему искал её глазами и долго наблюдал за нею, пытаясь поймать её взгляд и прочесть в нём хоть какую-то надежду. Но она, как и прежде, холодно отворачивалась, безразлично скользнув по его лицу большими серыми глазами, и только иногда в них вдруг загорался бешеный огонёк, и, вернувшись к разговору с девочками, она загадочно улыбалась.

В субботу Якоб надел новые брюки, купленные к приближающимся ноябрьским праздникам, чистую тщательно проглаженную рубашу и новенький пуловер. Мать скептически посмотрела на него, обозвала «женихом» и сказала, чтобы поздно не приходил. Сердце бешено билось в груди. От волнения он не замечал прохожих, с которыми обычно здоровался. Вечер был

тихий. Наступил ноябрь, но было не холодно. Кое-где в садах хозяева сжигали опавшие листья, и случайно прилетевший ветерок приносил запах дыма. Темнело быстро. Во дворах сутились ещё хозяева, управляясь со скотом, и иногда было слышно, как кто-то шлепком успокаивал расшалившуюся бурёнку, не дающую хозяйке устроиться возле неё для дойки. В клуб входили уже последние зрители. Сеанс начинался в девять часов. Якоба фильм не интересовал. Он обошел клуб и оказался у запасного выхода. Через дверь была слышна музыка начавшегося фильма. Запылённый фонарь освещал пожарную лестницу, которая тянулась к крыше. В метре от стены клуба буйно росли кустарники, и за ними начинался деревенский парк. Никого у двери не было. Якоб растерянно оглянулся и нерешительно позвал: «Валя!» Кто-то засмеялся, и из кустов вышла девушка. В тусклом освещении фонаря она выглядела прекрасно. Не отводя от неё взгляда, Якоб чуть слышно проговорил: «Здравствуй, Валя». Она засмеялась и, не отвечая на приветствие, спросила:

– Так ты хочешь со мной дружить?

– Да. Ты мне давно нравишься, и я...

Она, не дав ему договорить, со злостью в голосе спросила:

– Как ты это себе представляешь? Дружить – это значить с тобой за ручку ходить, вместе кино смотреть в клубе, говорить друг другу красивые слова?

Она с издёвкой засмеялась и продолжила:

– Мы же не в пятом классе. Прекрати за мной на переменах следить. Девчата уже смеются из-за тебя надо мною. И пойми, я с молокососами не дружу!

За нею шевельнулись кусты. Хрустнула под чьими-то ногами сухая ветка. Из кустов вышли двое. Одного Якоб узнал, а второй был ему незнаком. Они были много старше него. Генали работал продавцом в сельповском ларьке и жил недалеко от клуба. Одет он был в расклепанные брюки и цветную рубашку с большим стоячим воротником. Он вплотную подошёл к Якобу и спросил:

– Ты что к моей девушке пристаёшь?

Из рта Генали пахло чесноком, а от одежды резкими духами, и от этого смешанного запаха Якобу стало противно до тошноты. Но, скорее всего, тошно ему стало от подступившего страха. Он понял, что отсюда без драки не уйдёт. И кто будет победителем в этой драке – было тоже ясно. У него была возможность ещё отступить; можно было извиниться и уйти, а можно было просто убежать, но он ни того ни другого не стал делать.

– Валя мне нравится. Пусть она мне сама скажет, что не желает со мной встречаться.

– Ты, балда, – Генали ухватился за воротник рубашки Якоба, – это я буду решать, а не она.

Якоб с силой оттолкнул его от себя и тут же получил удар кулаком в висок. От неожиданности он потерял равновесие и упал на лестницу. Он ухватился за её перила, пытаясь подняться, но друг Генали ударил его ногой в живот, снова свалив на ржавые ступеньки. Двое били его умело и расчётливо. Якоб пытался пару раз достать кого-нибудь из них кулаком, но те были опытнее в таких делах, и его кулаки молотили только воздух. Он всё ещё пытался встать на ноги, но эти двое не давали ему передышки. Кто-то из них снова угодил кулаком в висок. В глазах в секундном такте замелькали искры, и вдруг стало темно.

Через несколько минут Якоб очнулся. Никого рядом не было. Он поднялся с земли и присел, опершись спиной о железную лестницу. Правый рукав белой рубашки был измазан ржавчиной. Из носа капала кровь на новый пуловер и брюки. Он достал из нагрудного кармана рубашки надушенный платочек и приложил его к носу, пытаясь остановить кровотечение. Ему было обидно, и на глаза наворачивались слёзы. Он попытался сдержать их, но они всё равно полились ручьем из глаз. Придерживая одной рукой платочек у носа, он пытался смахнуть второй ладонью слёзы, но от этого лицо стало мокрым, и глаза потеряли резкость. Вдруг всплыло в памяти лицо Вали. Когда его били, он несколько раз мельком видел её. Она стояла недалеко под фонарём и смеялась. Этот её издевательский смех всё еще продолжал звучать в его ушах.

И от этого на душе становилось ещё противнее, и обида разрасталась до невероятных размеров. Кровь из носа остановилась, он отбросил платочек в сторону и прижал ладони к ушам, пытаясь заглушить издевательский смех девушки. Но смех шёл не снаружи, он шёл изнутри, он плотно зацепился в памяти. Несколько лет после того события Якоба преследовал этот смех, приходил ночными кошмарами. Особенно тогда, когда кто-нибудь предавал его, или когда он попадал, казалось бы, в безвыходную ситуацию, этот смех начинал вдруг звучать в его ушах. Он научился бороться против этого. Он начинал тогда работать как бешеный, не давая себе передышки, он делался активным, он шёл опасностям наперерез, он не боялся ударов и, в конце концов, выходил из всех передрыг победителем. Но тогда, у заднего крыльца клуба, он был юн и неопытен, и этот идущий из памяти издевательский смех делал его слабым и беспомощным до такой степени, что ему хотелось тут же найти верёвку и удавиться.

Якоб пришёл домой, когда все уже спали. Он зашёл в летнюю кухню, нашёл чистую тряпку и в огороде у арыка долго счищал с одежды пятна крови. Два следующих дня он не выходил из дома и в школу в понедельник пошёл с неохотой. Во-первых, под левым глазом расплылся синяк, во-вторых, боялся встречи с Вале́й. Поэтому на переменах старался оставаться в классе и без нужды в коридор не выходил. На вопросы друзей, откуда у него синяк, объяснил, что получил по глазу отлетевшим куском саксаула, когда готовил дрова для печки.

Так получилось, что в школе он долго не задержался. Ещё до того события он начал дружить с парнями, которые были взрослее его. Они промышляли сомнительными делами, втянули его в историю, и Якоб вынужден был, не дожидаясь, когда исключат из школы, сам бросить её и пойти на стройку рабочим. Потом была служба в армии, учёба в техникуме и в институте. Он встретил женщину, которую по-настоящему полюбил и которая любила его. У них сложилась счастливая семья. Он давно забыл о том злополучном вечере. Только иногда в трудные минуты жизни ночью во сне приходил кошмар – не видя лица, он слышал издевательский смех молодой женщины, от которого делалось тошно на душе. И вот после случайной встречи у таверны в горах всё снова всплыло в памяти. Ночью он проснулся от звучащего в ушах издевательского смеха. Когда увидел предложение дешёвой аренды машины, сразу решился на поездку в горы. Он хотел знать, почему она поступила с ним так. Он надеялся получить ответ на вопрос, который годами скрывался в его подсознании, всплывая иногда, беря душу.

Через несколько десятков километров езды свернул с автобана. Ему понадобились ещё полчаса, чтобы добраться до горного селения. На перекрёстке остановился. Дорога отвечтвлялась – одна часть поднималась дальше вверх, где виднелись крыши селения, другая её часть спускалась к ущелью, где находились таверны. Он задумался на мгновение и решительно свернул к дороге, ведущей вниз. Оставив машину на стоянке, поднялся по лестнице, прошёл мимо родника к террасе и оттуда к входу в таверну. На террасе сидели несколько человек, в самой же таверне никого не было. Но здесь было намного прохладней. Из подсобного помещения выглянула женщина и спросила на греческом языке о чём-то. Якоб ответил по-немецки. Женщина ничего не поняла и исчезла, и буквально сразу из-за двери вышел пожилой грек. Он на ломаном немецком предложил занять место за столиком и протянул меню.

– Извините, я не обедать. У вас тут работает, насколько я знаю, женщина из России. Её звать Валя.

– Ах, Валя. Она сегодня отдыхает.

– Далеко она живёт отсюда?

– Да нет. Её дом отсюда, с террасы видно. Пойдём, покажу.

Они вышли из таверны, подошли к каменному ограждению террасы, и мужчина, протянув руку в сторону видневшихся снизу крыш, сказал:

– Вон та крыша с железной трубой. Поедешь вниз по дороге, и через километр будет её дом.

Якоб поблагодарил мужчину за помощь и спустился к машине. Через несколько минут он остановился у большого дома. Низкий забор тянулся вправо и влево. Калитки не было, и от дороги к крыльцу тянулась брусчатая тропинка. Видно, что по ней много не ходили, так как сквозь камни пробивалась густая трава. Вокруг дома росли фруктовые деревья и кустарники. Солнце склонялось к западу и как раз плотно оседлало нависающую над домами гору. Но даже его упорные лучи не могли пробиться к стоявшему в тени деревьев дому. Когда Якоб вышел из машины и захлопнул за собой дверь, он увидел, как колыхнулась у окна возле двери занавеска. Сразу за этим на крыльцо дома вышла женщина. Она была одета в тонкий и выцветший от времени хлопчатобумажный халат без рукавов. Прежняя красота ещё была в ней заметна, но пережитые годы уже оставили свой след на её лице и фигуре. Она открыто улыбнулась ему и сказала:

– Я предчувствовала, что ты приедешь, – и, указывая рукой на вход, продолжила: – Проходи в дом, Яков.

– Якоб, – поправил её Якоб и, проходя мимо, добавил в шутливом тоне, – не могу же я, увидев в чужом краю землячку, не навестить её.

Несмотря на жару, в доме было прохладно. Якоб, не разуваясь, прошёл в большую комнату. Здесь стояло несколько тёмных деревянных шкафов, мягкий уголок был стар, материал вытерся и потерял свой первоначальный цвет. В углу напротив дверей под окном приткнулся большой стол, и к нему было придвинуто несколько стульев. Небольшой телевизор стоял на маленькой тумбочке между двумя шкафами. Он был включён, шло какое-то шоу. Сразу за дверью в нише начиналась лестница на второй этаж. Её деревянные ступени от многолетнего использования потеряли свою форму и давно требовали ремонта.

– Садись, – предложила Валя, указав рукой на диван.

Она вытащила из-под лестницы журнальный столик на колесиках и подкатила его к дивану.

– Ты уже обедал? – спросила она.

– Нет.

– Подожди, я сейчас что-нибудь быстро приготовлю.

Женщина вышла, и Якоб остался один. Со вчерашней случайной встречи он думал о ней. Как тогда, в юности, при мыслях о ней беспокойно билось сердце, и волнение входило в душу. А теперь, когда он увидел её, перебросившись с нею парой фраз, волнение исчезло, и он даже стал жалеть о том, что приехал сюда. Когда шёл в дом, когда устраивался на диване и отвечал на её вопросы, он внимательно присматривался к ней, пытаясь узнать в ней ту школьную красавицу. Для своих лет она оставалась ещё красивой, но это была не та юношеская красота, сводившая его с ума. Глаза её потухли, морщины богато украшали лоб и углы глаз, на чуть одутловатых щеках проглядывали тонкие красноватые жилки. Когда Валя выходила из комнаты, Якоб проводил её взглядом и обнаружил, что она была обута в стоптанные шлёпанцы на босу ногу, и пятки были слегка измазаны то ли глиной, то ли в них уже въелась от каждодневной возни по хозяйству грязь, которую было невозможно смыть. Когда-то стройные ноги стали полными, и на них виднелись вздутые каналы вен. Эти немытые пятки, эти стоптанные шлёпки, эти извилины вздутых вен, эти красные прожилки на полных щеках были Якобу неприятны. Со школьных времен Валя осталась в его памяти красивой, стройной и недостижимой девушкой, а теперь он встретился с усталой и измученной домашней работой женщиной, не больно-то озабоченной своим внешним видом. Якоб вдруг понял, что все эти годы после школы продолжал идеализировать облик своей первой любви, не задумываясь о том, что девушка может с годами стать другой. Глубоко в памяти у него оставалась тоска по прекрасной девушке из своей юности, любви которой он так и не добился. И вдруг ему стало ясно, что судьба с ним поступила по-доброму. Перед ним на миг возник облик жены. Она была на два года младше Якоба, но выглядела намного моложе его. И теперь, думая о жене и мысленно

сравнивая двух женщин, он обнаружил в себе, что Валя не вызывает в нём никаких эмоций, а от возникшего в памяти образа жены на душе стало спокойно и уютно. «Зачем я приехал сюда?» – спросил себя Якоб. Ему стало жаль зря выкинутых денег за аренду машины. И ответов на вопросы, которые он хотел задать Вале, ему уже не хотелось знать. Но, с другой стороны, может быть, опять распорядилась судьба, сведя двух земляков, один из которых когда-то любил другого, а другой превратил это светлое чувство в издевательство. Наконец-то можно будет поставить все точки над «і», и Якоб избавится от навязчивого кошмара, приходившего к нему в трудные минуты жизни.

Вошла в комнату Валя. Она несла в руках две широкие тарелки. На одной из них были нарезаны тонкими полосками козий сыр и мясо, на другой лежало несколько кусков белого хлеба и нарезанная кусочками колбаса. По комнате распространился аппетитный запах домашнего сыра. Она поставила тарелки на столик и снова ушла. Через пару минут вернулась с чайником и двумя бокалами.

– Ты будешь чай или кофе?

– Если можно чай. Зеленый.

– Зелёного нет. Могу предложить черный или из трав.

– Давай тогда лучше чёрный.

Она бросила в бокалы по пакетiku чёрного чая, залила кипятком и в ожидании, когда чай запарится, подпёрла рукой щеку и вопросительно уставилась на Якоба.

– Не ожидал увидеть тебя здесь, в Греции, да еще на этом острове, – сказал Якоб.

Он так и не пообедал и, положив на пахучий белый хлеб пару кусочков мяса и прикрыв его козьим сыром, с удовольствием ел, запивая чаем.

– Раньше жила в Афинах, там мы с мужем квартиру купили. Сейчас сын в ней живёт. А этот дом принадлежал дяде моего мужа. Когда мой муж от рака лёгких умер, переехала сюда.

– Как ты вообще оказалась в Греции?

Она начала рассказывать о себе, но Якобу почему-то стало неинтересно её слушать. Ещё в Казахстане, приезжая изредка в гости в село, он расспрашивал своих родных или знакомых о ней. Иногда, бывая в центре, издалека видел её. Но так и не решился снова с ней заговорить. Он знал, что она официально не замужем, но живёт с Генали, от которого у неё был ребёнок. Потом слухи донесли, что Генали посадили за растрату, а Валя вышла замуж за водителя автолавки из райцентра.

– А ты где сейчас живёшь? – прекратив свой рассказ, спросила Валя.

– Я живу в Германии.

– Так и думала. Ты же немец. Из нашего села все немцы уехали. Вчера в таверне рядом с тобой сидела твоя жена? Ну, та, которая с обгорелыми плечами?

– Да. Сгорела на солнце, не уследила.

– Симпатичная. Долго ещё будете здесь?

– Да нет, в воскресенье улетаем.

– Приезжайте в пятницу или в субботу вечером. Приготовлю ужин. У меня есть хорошее домашнее вино. Посидим, поболтаем.

– Я не знаю. Надо с женой поговорить.

Валя встала, прошла к столу, взяла лежавшую там ручку, оторвала от листка кусок бумаги и что-то написала на нём.

– Вот мой телефон, – сказала она, протягивая обрывок листа Якобу, – позвони, если надумаешь приехать. Я буду ждать звонка.

В её голосе вдруг появились просительные нотки, и от этого в душе Якоба непроизвольно шевельнулась жалость к своей землячке. Он вдруг понял, что этой женщине одиноко и тоскливо в этом чужом краю.

– Дети часто приезжают? – спросил он.

– Как тебе сказать? Сын почти не приезжает. А дочка заявляется только когда продукты кончаются.

Она замолчала и отвернулась к окну. Пауза затягивалась, и Якоб не знал, как ему дальше продолжить разговор. Ему вдруг стало ясно, что с этой чужой женщиной ему буквально не о чём говорить. Когда-то их судьбы соприкоснулись, но потом дороги разошлись. Каждый жил своей жизнью, каждый накапливал свой опыт и каждый пожинал теперь то, что когда-то посеял.

– Может быть, останешься у меня ночевать? – не поворачиваясь от окна, спросила женщина.

Её вопрос прозвучал еле слышно, и в голосе чувствовалось какое-то волнение. Якобу было ясно, что стояло за этим вопросом, но, сделав вид, что ничего не понял, ответил:

– Не могу, Валя. Я машину арендовал только до шести часов. И потом, договорились со знакомыми сегодня вечером в ресторан пойти.

Он мог бы ещё больше часа оставаться в гостях у женщины. Может быть, нашлось бы, о чём поговорить, но Якобу вдруг захотелось как можно скорее уехать отсюда. Он встал. Валя тоже поднялась с дивана. Она старалась не смотреть на него.

– В гостинице есть телефон, позвони. Я была бы очень рада, если б вы приехали ко мне.

– Валя, я не буду обещать. Извини, мне надо ехать.

Он пошёл к выходу. Якоб сознательно оставил записку с телефонным номером на столе. Возможно, Валя этого не заметила, а может быть, и заметила, но не подала вида. Солнце опускалось за горы. Его последние лучи пробивались ещё сквозь островерхие камни вершин, но здесь, в ущелье, уже наступал сумрак, хотя время было не позднее. Валя молча шла за Якобом к машине. Он взялся рукой за дверную ручку и спросил Валию:

– Ты когда последний раз ездила в Казахстан?

Этот вопрос его совершенно не интересовал. Но о чём-то надо было же говорить.

– Я уже пятнадцать лет там не была. Сын ездил в позапрошлом году к своему отцу.

Якоб открыл дверь, но в машину не садился. Ему всё-таки хотелось задать вопрос, который давно пульсировал в мозгу. Но Валя опередила его.

– Ты всё ещё помнишь о том случае в клубе?

Она не смотрела на него и вопрос задала тихо и несмело, будто чего-то стеснялась.

– Сначала часто вспоминал, а потом забыл.

О том, что забыл, Якоб соврал. Но ему не хотелось признаваться в своей слабости, не хотелось дать понять Вале, что та встреча у клуба навсегда врезалась в его память.

– А мне, наоборот, часто вспоминается тот случай. Ты прости, если можешь, меня. Я же тебя тогда, можно сказать, предала.

– Валя, я всё давно забыл. Но если тебе обязательно нужно моё прощение, то я прощаю тебя.

Он старался говорить бодрым и безразличным голосом, но внутри росло раздражение, и, чтобы не выдать себя, он решительно сел за руль и завёл мотор.

– Прощай, Валя.

Машина тронулась с места. За колёсами поднималась пыль. Якоб видел в зеркало заднего вида одиноко стоявшую женщину, монотонно махавшую ладонью до тех пор, пока машина не скрылась за поворотом.

Якоб проехал мимо таверны к перекрёстку дороги и остановился на обочине. Раздражение сменилось сожалением. Ему стало жаль себя. Он почувствовал, как в углу глаз появилась мокрота. «Отчего я так расстроился?» – спросил себя Якоб. Оттого ли, что ему было жаль тех лет, когда он продолжал тайно в душе любить нарисованный им идеал девушки? Или оттого, что он, наконец-то, понял, что первая его любовь оказалась пустой, неоправданной, раньше времени состарившейся женщиной? Он попытался вызвать в памяти лицо молодой

Вали, вспомнить её издевательский смех в тот момент, когда его избивали двое взрослых мужчин, и не смог. Раньше и лицо, и издевательский смех приходили на память без всяких усилий, иногда даже непроизвольно, а сейчас он не мог вызвать из памяти ни того, ни другого. И вдруг Якоб понял, что теперь, после встречи с Валей, он, наконец-то, навсегда избавился от своего кошмара. От этого на его душе стало спокойно и радостно. «И слава Богу», – громко проговорил он и решительно поехал по извилистой дороге в город, туда, где была ключом жизнь, туда, где ждала его любимая женщина.

Дождь виноват

«Дождь – жидкие атмосферные осадки, выпадающие из облаков. Диаметр капель — от 6—7 до 0,5 мм: при меньшем размере осадки называются моросью».

Большой энциклопедический словарь

Третий день моросил нудный дождь. Середина лета, а по-настоящему тепла ещё не было. В начале недели установилась хорошая солнечная погода. На балконе в градуснике синяя полоска стала резко подниматься к 30-градусной отметке, но, так и не достигнув её, устав, видимо, бороться с низким циклоном, вернулась на своё обычное место где-то между 15 и 18 градусами. Не успев привыкнуть к теплу, пришлось снова напяливать на себя тёплые пуловеры, одеваться в куртки и брать с собой, на всякий случай, зонт. Дождь не заставил себя ждать, сначала пролился крупными, громко стучащими каплями и, в конце концов, перешёл в мелкую и нудную морось, которая растянулась на несколько дней.

У Виктора уже с подъёма настроение было испорчено. Жена вчера уехала в гости к родственникам. Ему же обещанный отпуск не дали. Пришлось подниматься в пять утра, готовить завтрак и паковать сумку с обедом. Он всегда делал это сам. Но одно дело, когда рядом на кухне возится любимая женщина, и другое дело, когда остаёшься один в квартире, и даже от плиты веет холодом и одиночеством. К тому же, выглянув в окно, ты ничего хорошего не увидишь, кроме свесившихся листьев на деревьях, мелкой сетки дождя и нависающего серого неба.

На работе тоже с утра начались стрессы. Сначала оказалось, что молодой помощник заболел. Это означало, что его работу придётся выполнять Виктору. И, как назло, именно в этот день вместо обычных двух-трёх грузовиков с лесом пришли шесть. Из-за этого вынужден был задержаться на два часа. Он промок и устал как чёрт. Дорога домой оказалась длиннее, чем обычно. Привычную улицу на въезде в город по какой-то причине перекрыли, и Виктору пришлось искать объезд. Домой приехал в семь часов злой и голодный. Приняв душ, он набил в сковородку три яйца, накрошил туда немного колбаски и, пока жарилось, сделал салат. С огромным аппетитом умял всё в один присест. Полез в холодильник за пивом, но там его не оказалось. Пива не было и в баре. Он мог бы без пива обойтись – был не особенным его любителем. Но в этот промозглый и скучный вечер ему хотелось пива. В баре стояла начатая бутылка коньяка. Может быть, из-за одиночества, может быть, из-за того, что промок и промёрз на работе, а может быть, из протеста он налил больше полстакана и залпом выпил. Сразу почувствовал, как начало разливаться тепло по телу. В телевизоре ничего интересного не шло. Навалилась скукота. Надеясь отвлечься, позвонил брату, потом сестре, но ни там, ни там трубку не сняли. На улице темнело. Виктору захотелось выйти из дома. Пусть на улице идёт дождь, пусть влажный холод забирается за шиворот, пусть там так же одиноко, но лучше выйти из четырёх стен, на воздух – в движение, к людям. Он скинул домашнюю одежду, надел джинсы, рубаху с длинными рукавами, накинул на плечи лёгкую куртку, обулся и вышел из дома.

Дождь по-прежнему продолжал моросить. В еле заметной сетке дождя деревья, дома, проезжающие машины выглядели расплывчато, как будто кто-то убавил резкость в фокусе фотоаппарата. В одном месте разросшиеся кусты под тяжестью влаги наклонились над тротуаром так низко, что пришлось отступить на дорогу, чтобы их обойти. При этом Виктор случайно задел вытянувшуюся к дороге ветку, и на него мелко посыпались холодные капли. Зонтик он в спешке забыл дома. Повлажневшие до этого волосы сразу же стали совсем мокрыми, и пара струек воды поползла с головы на глаза. Виктор зло выругался и пошёл тротуаром к виднев-

шимся впереди рекламным огням. На перекрёстке подождал, когда загорится зелёный свет, но перейти дорогу не успел. Из переулка, где находилась больница, выскочила, мигая огнями, скорая помощь и, включив сирену, понеслась к окраине города. Тревожная сирена скорой ещё больше усилила состояние тоски и одиночества. Он остался стоять на перекрёстке, раздумывая, куда бы пойти. Справа находилась игротека. Напротив, через дорогу, реклама кинотеатра звала на премьеру нового фильма. Ни в кино, ни в игротеку не хотелось. Слева, в мареве дождя, светилась вывеска кафе. Тусклая лампа освещала вход. Через запотевшие окна виднелись силуэты людей. Виктор вспомнил, что хотел пива, и решительно пошёл к дверям кафе. Он знал, что если выпил что-нибудь крепкое – водку, коньяк и даже вино, – то пиво пить ему противопоказано. Как следствие, через час или два начинала болеть голова, и тогда могли помочь только аспирин, мягкая постель и тишина. Но в этот вечер в нём проснулся протест против всех и против всего. Душа протестовала против холодного дождя, против осенней температуры в середине июля, против уехавшей в гости жены, против головной боли. Ему хотелось пива – и баста! Тем более что на холоде хмель от выпитого коньяка прошёл, и он надеялся, что пиво не нанесёт ему вреда.

В кафе было не многолюдно. Несмотря на закон о запрете курения в таких местах, в воздухе чувствовался запах табака, который был ненавязчив и для бросившего много лет назад курить Виктора был даже приятен. Он сел за свободный столик и огляделся. Две пары молодых людей о чём-то оживлённо разговаривали за соседним столиком. Дальше, рядом с дверями в кухню, сидели двое мужчин. У одного из них было непропорционально огромное пузо, которым он упирался в край стола. Левую руку он положил на верх живота, а другой придерживал большую кружку пива, из которой время от времени отхлёбывал. Его сосед по столу был маленького роста и худощав. Накинута на рубашу куртка была ему великовата. Видимо, он покупал её навыrost, но вырасти так и не успел. Худощавый держал такую же большую кружку пива, которая в его хилой руке казалась огромной, и так же, как толстый, через равномерные промежутки времени отхлёбывал из неё. Они делали это одновременно и синхронно, так, как будто до этого долго тренировались. У стойки бара два молодых человека, тихо переговариваясь, пили через трубочки из высоких стаканов коктейль голубоватого цвета. При разговоре они усиленно жестикулировали, и по их движениям можно было догадаться, что они уже в хорошем подпитии.

Подошёл выждавший необходимую паузу кельнер. Виктор заказал большую кружку пива и орешки к нему. Ещё через некоторую паузу он получил свой напиток и отхлебнул пару глотков из кружки. Хмель от коньяка, пропавший на холоде, в тёплом кафе вернулся. От пива и проснувшегося алкоголя по телу медленно разливалась слабость. Но настроение не улучшилось. А когда рядом две накрашенные девицы одновременно закурили, и дым, к которому пришивался запах травки, сквознячком понесло прямо на Виктора, в нём стала просыпаться непонятная злоба. Табачный дым был теперь не приятен, а противен. И именно в этот момент мимо проходил, направляясь к соседнему столу, один из молодых парней, которые пили коктейль у стойки. Он держал стакан с напитком высоко на весу и неуверенно балансировал на ослабевших от алкоголя ногах, обходя стулья. Парень споткнулся, и жидкость из стакана выплеснулась на куртку Виктора, которую он, сняв, повесил на спинку стула. Ничего бы с курткой не случилось – она была из непромокаемого водоотталкивающего материала, но Виктор был настолько взвинчен, что зло сказал:

– Ты, пьянь, нельзя, что ли, поосторожней?!

Молодой парень, не ожидавший такой реакции, остановился у стола и растерянно смотрел на Виктора. Собравшись с силами, он, тяжело ворочая языком, проговорил:

– Ты прости меня, пожалуйста. Я немножко выпил.

Парень, видимо, забыл, куда направлялся, и неуверенно смотрел по сторонам. Молодая девица потянула его за рукав:

– Иди, садись на своё место.

Высокий блондин, сидевший возле неё, сказал, обращаясь к Виктору:

– Что ты пристал к человеку? Ничего же, в принципе, не случилось. Подумаешь, упало пару капель на твою куртку. На, возьми салфетку и вытри.

Он протянул Виктору бумажную салфетку. Возможно, конфликт на этом был бы исчерпан, но другой, чернявый парень из той же компании, с сарказмом проговорил:

– Эти русские обнаглели. Не могут себя достойно вести.

Эту нахальную реплику без ответа Виктор оставить не мог.

– Почему ты думаешь, что я русский?

– У тебя акцент. Сразу видно – из России.

– Я вот рядом сидел и слушал, как вы разговариваете. С твоим швабским выговором тебя тоже нельзя считать немцем.

– Да, я шваб, но я чистокровный немец. А ты приехал из России и хамишь мне. Убирайся обратно. Там – в Сибири – твоё место.

Разговор начинал приобретать политическую окраску, но вожжи были закушены, и остановиться первым уже никто не желал.

– Я хоть и из России, но немец. А ты немец ли? Шваб, да ещё к тому же нацист.

Обозвать нацистом немца считается серьёзным оскорблением. Эта фраза вырвалась у Виктора непроизвольно, и он тут же пожалел об этих словах. Но слово не воробей, вырвалось, назад не поймаешь. Чернявый вскочил. Его стул, качнувшись, упал позади него.

– Я не наци. Нацистов больше там, на востоке. Ты, русская свинья, осторожней со словами, а то по морде схлопочешь.

Такую провокацию Виктор выдержать уже не мог, тем более под хмелем. Он выплеснул остатки пива из своей кружки в лицо чернявого. Завизжали истерично девицы, испуганно встал со стула блондин, повернулись сторону ссоривших толстый и худой, за стойкой застыл в напряжении бармен. Только тот парень, из-за которого началась ссора, расслабленно сидел на стуле и мутными глазами смотрел, ничего не понимая, на озлобленных людей.

Чернявый сделал шаг вперед и размахнулся для удара, но Виктор опередил его и врезал парню кулаком по носу. Блондин оттолкнул Виктора, и тот, не удержавшись, всем телом навалился на стол. На пол полетели отставленная кружка и вазочка с орешками. Угловым зрением Виктор видел, как бармен набирал на мобильном телефоне чей-то номер. Он всё-таки удержался на ногах и ударил надвигающегося на него блондина в живот. Чернявый махнул рукой, и его кулак чиркнул по виску, оставив глубокую царапину на брови. Вероятно, полицейский патруль был недалеко. На улице подозрительно замигали огни. Виктор понял, что ему надо покидать поле боя, не то могут быть серьёзные последствия. Пропал хмель, и он стал трезво сознавать, что если за дело примется полиция, то ни ему, ни его противникам так просто ссора не обойдётся. И молодым людям, видимо, тоже нежелательна была встреча с полицией. Они все одновременно ринулись к выходу. Блондин, подхватив под руку своего подвыпившего друга, крикнул на ходу оставшемуся у бара молодому человеку, чтобы он рассчитался с кельнером. Виктор поспешно бросил на стол пять евро, схватил висевшую на спинке стула куртку и, чуть ли не рука об руку с чернявым, у которого из носа сочилась кровь, выскочил из кафе. Мельком увидел, как из полицейского автомобиля выходили пожилой полицейский и его напарница – молодая женщина. Огни на крыше машины продолжали мигать, освещая в секундном такте в неестественный цвет стоявшую неподалёку остановку, рекламный щит, уныло повисшие листья на деревьях, стену кафе и спешащих от неё людей.

Несколько метров вся кампания торопливо шла вместе, но потом Виктор завернул в свой переулок, а парни и девушки, не обращая на него внимания, поспешили дальше к центру города. Никто их не преследовал, и, когда Виктор оказался на своей улице, он сбавил темп и не спеша пошёл к дому. Рассечённая бровь побаливала. Виктор дотронулся пальцем до раны.

На ней лёгким бугорком запеклась кровь. Волнение, вызванное ссорой, улеглось, и он, обозвав себя мысленно идиотом, стал размышлять над тем, что случилось в кафе. В принципе, ничего не случилось. Один идиот, с утра заряженный плохим настроением, столкнулся с компанией таких же идиотов, очевидно, подогретых не только спиртным, но и наркотиками, и в результате на этой благодатной почве разгорелся огонь войны, который тут же потух. В нормальном состоянии Виктор просто-напросто не отреагировал бы на глупую реплику молодого парня. Молодые иногда болтают, не зная сути. В большинстве же своём у переселенцев из России нет проблем с местными немцами. Многие вживаются в германскую жизнь и перестают отличаться от остальных. Выдаёт их, что они немцы из России, только акцент в разговоре. Этот акцент умрёт в тот день, когда умрёт переселенец. Дети же, особенно те, кого привезли за границу ещё маленькими, говорят без всякого акцента и, в зависимости от места проживания, даже предпочитают разговаривать на местном диалекте. А те, кто родился здесь, уже не понимают русского языка, или же если всё же что-то понимают, то только самые простые бытовые слова.

Виктор свернул к своему дому и остановился под фонарём. Тихо было на улице. В такую погоду даже кошки остаются в квартирах, греясь на диване в ногах своих хозяев. Наступила ночь, и стало холоднее. Подсохшие в кафе волосы опять намокли. Хочешь не хочешь, а домой, в пустоту и одиночество, идти надо. Может быть, будет что посмотреть по телевизору. Пятница, можно подольше посидеть у телека, если, конечно, не свалит раньше времени сон. Он решительно пошёл к подъезду.

Дома первым делом вытер полотенцем и высушил феном волосы. В зале включил отопление. Странно посередине лета включать батареи, но в квартире было прохладно. Он устроился на диване у телевизора, прикрыв ноги мягким пледом, и стал смотреть развлекательную программу. Как и предвиделось, начало мозжить в голове. Боль сначала была не сильная, и Виктор решил своевременно выпить таблетку парацетамола. Долго у экрана выдержать не смог и, когда начал впадать в дремоту, выключил телевизор и пошёл спать.

Утром Виктор проснулся в тревоге. Кто-то чужой был в квартире. Он встал с кровати, надел брюки и рубашку, осторожно вышел из спальни и заглянул в кухню, откуда слышалась подозрительная возня. У плиты стояла жена, и перед ней на сковородке жарилась яичница. Виктор неслышно подошёл к ней и обнял. Жена испуганно вздрогнула и повернулась к нему.

– Ты когда приехала? – спросил удивлённо Виктор, чмокая её в щёку.

– Ночью. Галя в субботу работает, а её муж опять запил, вот я и решила домой вернуться.

– Как ты добралась с вокзала? Почему мне не позвонила?

– Соседка из Ульма возвращалась. Я с ней в поезде столкнулась. У неё машина на вокзале на стоянке оставалась. Она и довезла. Я звонила тебе, но никто трубку не брал. Ты, наверное, автоответчик не проверял.

– А где ты спала?

– Когда я приехала, ты спал уже. В поезде перемёрзла как следует. Одной пьяной кампании стало в вагоне душно, так они окна пооткрывали. А у нас в зале было тепло. Вот, решила на диване устроиться.

Она протянула руку и дотронулась до раны на брови Виктора.

– А это что такое?

– Да так, из-за дождя.

Он снова обнял жену и почувствовал, как состояние умиротворённости и покоя возвращается в душу.

– Как хорошо, что ты так быстро вернулась.

Он положил голову на плечо жены. От её волос шёл еле слышный запах дешёвых, но нравившихся Виктору духов. На улице было светло и безветренно. За ночь тучи ушли, и теперь сквозь ветки дерева, стоявшего напротив подъезда, пробивались лучи утреннего солнца, возвращая надежду на ясный и тёплый день.

– Как хорошо, что ты вернулась, – повторил Виктор и пошёл в ванную чистить зубы.

Билет в мусоре

Поезд пришёл на станцию поздней ночью. Михаилу пришлось долго сидеть в автобусе. Водитель ждал следующий поезд, чтобы заодно прихватить пассажиров, которые, возможно, приедут с ним. Наконец, прибыл последний пассажирский состав, и в маленький автобус набилось человек тридцать. Большинство приехавших были ему знакомы. Они здоровались друг с другом, обменивались новостями. Не все были в хорошем настроении. Многие, поздоровавшись, замыкались в себе. Оно и понятно. После долгой дороги, после бесконечного стука колес, после нескончаемой вагонной суеты хотелось тишины и покоя. А Михаилу покоя хотелось особенно. Он летел из Мюнхена. Позади была двухчасовая дорога до аэропорта, долгое ожидание вылета, полёт, суeta на алма-атинском вокзале и ещё несколько часов нудной езды в поезде. Почти сутки в дороге. Он вздремнул немного в самолёте и в поезде. Но это был не сон, после которого чувствуешь себя бодро, а беспокойная дремота, сквозь которую слышишь всё, что происходит вокруг тебя: и шарканье ног пассажиров по проходу, и стук колёс, и голоса людей на станциях, и грохот проносящихся мимо встречных составов, и крикливые скандалы из-за места в вагоне, и звяканье стаканов в соседнем купе, где красиво ехали домой командировочные. За окнами автобуса властвовала тёплая летняя ночь, в салоне становилось душно, и все с облегчением вздохнули, когда, наконец-то, водитель сел за руль и завёл мотор. В открытые форточки начал залетать свежий ветерок.

Через полчаса были в рабочем посёлке. Вдоль дороги стояли чёрными глыбами высокие девятиэтажные дома и вытянувшиеся в длину пятиэтажки. Кое-где в них светились окна. Видимо, там в такой поздний час ещё кого-то ждали. Михаил знал, что сейчас в посёлке осталось мало жителей, и большинство многоквартирных домов стоят пустыми. Процесс оттока людей начался ещё в то время, когда он здесь жил. Уже тогда опустели две малосемейки. Когда в целях экономии отключили лифты в девятиэтажках, семьи стали переселяться с верхних этажей в освободившиеся квартиры снизу. Раньше хорошо освещённая дорога к дому родственников была сейчас тёмной. Приходилось идти чуть ли не на ощупь. Асфальт на тротуаре крошился, и ноги проваливались иногда в выбоины. Он интуитивно понял, что дошёл до нужного подъезда. На втором этаже светилось окно. Там жил его брат, который тоже сидел на чемоданах, ожидая вызова из Германии. Свет от окна падал на входную дверь, но её из-за козырька видно не было. Её, как оказалось, на месте и не было. Михаил вошёл в подъезд. Пахло мусором и мочой. Осторожно поднявшись на второй этаж, он постучался в дверь. Ему тут же открыли. Брат, предупреждённый заранее о его приезде, радостно обнял. Вышла из кухни его жена и тоже чмокнула в щёку. Проснулись дети и стеснительно выглядывали из-за приоткрытой двери спальни. Отец строго прикрикнул на них, и дверь тут же захлопнулась. Михаил оставил в коридоре чемодан и сумку, которые были заполнены заморскими подарками и сладостями для родных, и прошёл в кухню, где сноха уже накладывала в тарелку пахучий плов, а брат открывал заждавшуюся в холодильнике бутылку импортного коньяка.

Утром Михаилу надо было в ЖЭК и в поселковый совет. Прошедшей ночью поздно лёг. Пока поели, пока рассказали друг другу накопившееся за год разлуки, пока выложил предназначенные семье брата подарки, пролетело время, и лёг, когда стало светлеть на улице. Но, несмотря на это, чувствовал себя выпавшимся. И, на удивление, после выпивки не болела, как обычно, голова. Он шёл по знакомой дороге, по которой когда-то ходил на работу. Рядом с конторой ЖЭКа находился его кабинет. Правда, прошло уже больше трёх лет, как он сдал дела своему заместителю и перешёл работать в кооперативное объединение. А ещё через год неожиданно быстро получил разрешение на выезд в Германию. Как хорошо, что он тогда так легко сумел развязаться с этой работой, подумал Михаил. Он был рад, что вовремя сумел сориентироваться и перешёл на высокооплачиваемую должность заместителя директора вновь

организованного кооперативного объединения ещё до того, как развалилась партия. Иногда в нём возникало чувство, будто он предал кого-то. Надо было, наверное, сидеть в этом кабинете до последнего дня. Не бежать с горящего корабля, как крыса. Тогда не мучила бы совесть. Но, с другой стороны, на должность парторга он не рвался, она его даже тяготила, и он был рад, когда появилась возможность уйти на другую работу.

Михаил прошёл мимо построенной временно к какому-то празднику летней танцплощадки. Она осталась стоять на годы и верно служила молодежи. Невысокие карагачи, посаженные на субботниках, тяжело вгрызались своими неразвитыми корнями в каменистое основание и выглядели хилыми. Пройдя мимо забора из неструганых штакетников, он свернул на бетонную дорожку к конторе ЖЭКа. На эту же дорожку выходил окнами его бывший кабинет. Через запylённые стёкла виднелись голые стены. Видимо, кабинет освободили для других надобностей. Он подошёл к окнам и заглянул внутрь кабинета. Мебели не было. На полу валялись обрывки газет и бумаг. Возле двери стояла огромная коробка, наполненная папками, брошюрами и другой макулатурой. Михаил обогнул угол здания и вошёл в коридор. Привычно скрипнула доска у порога. Двери в кабинет парткома, комнату комсорга и в подсобку были настежь открыты. Пол толстым слоем покрывала пыль, на которой чётко отпечатались кем-то оставленные следы. Он подошёл к ящику с бумагами и вытащил первую попавшуюся папку. Это был один из многих протоколов заседаний парткома. Им овладела досада: неужели нельзя было сдать эти документы своевременно в архив?! Под одной из папок выглядывала красная обложка какого-то документа. Михаил потянул документ за угол и с трудом вытащил из-под груды бумаг партийный билет. Насыпанный на груды бумаг мусор стал тихим шелестом просыпаться вдоль листов на дно ящика. Он знал, что партийные билеты необходимо было сдать в райком. Во всяком случае, об этом должен был позаботиться последний парторг. Михаил стал решительно разгребать мусор в ящике и обнаружил ещё три партийных билета. Казалось бы, какая разница, кому принадлежали эти билеты? И вообще, какое ему дело до чужих билетов? Он не был уже членом партии, как и не был уже гражданином этой страны. Но его душила обида. Он присел на корточки рядом с мусорным ящиком, опёрся спиной о дверной косяк и с тоской разглядывал сжатые в ладони красные книжки. В мыслях хаотично крутились обрывки фраз, когда-то сказанных на собраниях и заседаниях парткома, сохранившиеся навечно в памяти слова из устава партии, лица коммунистов, которых он хорошо знал. Когда почувствовал, как из-за неудобной позы затекли ноги, встал, сунул партийные билеты в нагрудный карман рубахи, вышел на улицу и решительно пошёл к крыльцу конторы ЖЭКа, где заодно находился поселковый совет.

Закончив дела в ЖЭКе и в поссовете, Михаил вернулся в квартиру своих родных. Эрна, жена брата, была ещё на работе, дети в школе. До обеда оставалось много времени, и он растянулся на диване, взяв с журнального столика книгу. Но прочитанное не доходило до сознания. Сосредоточиться мешало внутреннее беспокойство. Мысли постоянно возвращались к партийным билетам, которые обнаружил в мусорном ящике. Придя из ЖЭКа, он положил их в зале на столик, и теперь они настойчиво притягивали взгляд. Он взял один из них и развернул. Билет принадлежал водителю автобазы Белику. Михаил хорошо его помнил. Белик работал водителем огромного БелАЗа, но как человек был незаметен. Он исправно платил партийные взносы, регулярно посещал партийные собрания, никогда на них не выступал, если большинство голосовало «за», он также голосовал «за», если же «против» – он послушно голосовал «против». Может быть, в молодости он был другим, но в то время, когда Михаил с ним познакомился, Белику было уже за пятьдесят. Так случилось, что больше полгода их пути не пересекались. Парторг автобазы приносил каждый месяц ведомость уплаты взносов, где в третьей строке стояла фамилия Белик, сумма членского взноса и корявая закорючка подписи. Позже напротив его фамилии исчезла сумма взноса и пропала подпись. Михаил ездил в автобазу, чтобы узнать, что случилось с Беликом, но там тоже были удивлены его длительным отсут-

ствием. Случайно, когда кто-то из автобазовских поехал в соседний город, где жили родные Белика, узнали, что он, оказывается, умер от инфаркта сердца. Михаил встретился с вдовой водителя. Ему было стыдно смотреть ей в глаза. Умер человек, коммунист с большим стажем, и никто не вспомнил о нём. Пока платил взносы, пока в ведомости стояли определённая сумма и его подпись, было всё в норме. А что за этой фамилией был человек – со своими проблемами, со своими болячками, со своей непростой судьбой, – это всё как-то выпадало из внимания. Так, наверное, и превращалась партия в бездушный механизм, в аппарат, внешне функционирующий безотказно, а внутри уже давно сгнивший. Тогда, после визита к вдове умершего, впервые задумался Михаил о смысле своей работы и вообще о своей партийной принадлежности.

Михаил задумчиво посмотрел на красные книжицы, лежащие на столе. В своё время, когда в армии вступал в партию, он мечтал о больших делах, о карьере. Иногда представлял себя крупным партийным работником. Но постепенно стал мечтать о более приземлённых вещах; об успешной экзаменационной сессии в строительном техникуме, о хорошей квартире или о построенном собственными руками доме, о денежной и интересной работе. И партийным работником уже не хотел быть. Он был доволен своей профсоюзной работой. Эту работу он знал хорошо – учился в профсоюзной школе. Однажды, ещё в том районе, где он родился и где работал в тресте, его хотели назначить парторгом в колхоз, но при разговоре с секретарём райкома он однозначно отказался от этой должности. В тресте многие не поняли его отказа. Шептались за спиной: «Михаил не умеет жить». Друзья и коллеги не поняли его и тогда, когда он ушёл с профсоюзной должности в тресте. Как мог он им объяснить, что эта работа стала для него в тягость, надоела рутина. Да и по-настоящему профсоюзным лидером себя не чувствовал. Конечно, когда его неожиданно на конференции предложили в председатели профкома, и делегаты дружно за него проголосовали, ему было лестно. Тогда он работал, в буквальном смысле, не жалея себя. Работы было много. В новом тресте всё нужно было организовывать с нуля. Профсоюзные организации, подчиняющиеся трестовскому профкому, находились в трёх районах. Приходилось много ездить. Тут он, наверное, и заработал себе язву желудка. Но со временем Михаил начал понимать, сколько бесполезной работы приходится выполнять. Разве дело профсоюзов – выбивать вагончики для полевых станков, распределять ковры и паласы, часами сидеть на тягучих и нудных трестовских планёрках? Он никогда не жалел, что ушёл из треста. Как раз кстати в областной газете была напечатана большая статья о новой стройке на Балхаше. Ему хотелось романтики, чего-то нового и неизведанного. Жена тоже была не прочь поменять место жительства.

В управление новой стройки он пришёл устраиваться монтажником. Закончив до профсоюзной школы строительный техникум, мечтал испытать себя на деле, проверить свои знания. Но начальник управления, заглянув в трудовую книжку, принимать его рабочим наотрез отказался. «Ты у меня будешь главным диспетчером», – заявил он и размашистым почерком написал на углу заявления резолюцию.

Михаил быстро втянулся в новую работу. Было интересно. Вставал рано, ещё засветло, а спать ложился глубокой ночью. Целый день крутился как белка в колесе. Надо было распределять автокраны, которых на все строительные участки не хватало, составлять графики автобусов, перевозивших рабочих к стройплощадкам, контролировать поставки железобетона, принимать участие и вести протоколы планёрок на нескольких горячих объектах, а потом ещё проверять, как выполняются их решения. Уставал сильно. Домой, за двести километров, мог только один или два раза в месяц вырваться. Когда начались школьные каникулы, перевёз семью в строящийся посёлок. Правда, на первых порах пришлось ютиться в маленькой комнате в малосемейном общежитии. Романтики, действительно, было в избытке.

К осени в Алма-Ате приняли решение организовать на стройке профсоюзный комитет с оплачиваемой должностью председателя. Вспомнили его опыт работы в трестовском профсоюзе и профсоюзное образование, и Михаилу снова пришлось начинать с нуля. Здесь всё

равно было интересней, чем в тресте. Он был ближе к людям. Часто ездил на объекты, познакомился со многими интересными людьми. Да и он, видимо, пришёлся людям по душе. Когда возвращался в конце рабочего дня с объектов, приходилось допоздна принимать в кабинете людей. Стройка новая, отсюда неурядицы, семейная неустроенность. Вот где он почувствовал себя по-настоящему профсоюзным лидером. Приобретя на прежней профсоюзной работе опыт, как нельзя профсоюзам работать, на новой работе он старался быть более независимым и принципиальным. Если дело шло об интересах рабочих, не боялся идти с начальством на конфликт, решительно прекратил хаос, который царил до создания профкома в очередях на места в детские сады и на квартиры. Добился в обкоме для стройки ставок спортивного методиста и культработника, навёл настоящий контроль в торговле и общепите. Не всем руководителям нравилось это. Каждый начальник участка считал себя маленьким царьком в своей вотчине и, естественно, правил не по закону, а по своему усмотрению. Благо, и райком с райисполкомом, и областной город были далеко. Но постепенно начальники строительных и монтажных участков зауважали Михаила.

Парторгом Михаила избрали неожиданно. Шла полным ходом перестройка. Никто ещё не знал, куда она заведёт страну. Но все с энтузиазмом принимали гласность и демократию. Разгар перестройки совпал с созданием на крупной стройке юга партийного комитета. Партийная организация разрослась до двухсот с лишним коммунистов, и по инструкции положена была ставка освобождённого работника. Как правило, на такую должность человека готовят заранее. Многие, не посвящённые в эту кухню, думают, что парторга избирает собрание. На самом деле, в подавляющем большинстве случаев это не так. Сверху – в райкоме и в обкоме – решают, кому быть партийным лидером. Ещё до собрания кандидат на этот пост проходит собеседования в вышестоящих парторганах. Наверху всегда были уверены, что, кого бы они на эту должность ни предложили, за того безоговорочно проголосуют. На этот раз ошиблись. За два дня до собрания к Михаилу в профсоюзный кабинет пришли несколько мастеров, начальников участков и рабочих. Эти люди пользовались в своих коллективах авторитетом, к их мнению прислушивались. Один из них, монтажник второго участка, загорелый лицом, с чёрными и жёсткими как солома волосами на голове, но с добродушными и умными глазами, своим басовитым голосом сказал:

– Михаил Семёнович, мы знаем, что нам хотят навязать в парторги этого Покраскина из дирекции. Все знают, что он за человек. Будет на побегушках у директора. Всё-таки нас, коммунистов-строителей, больше, и парторг должен быть из строителей. У тебя опыт строителя. С людьми ты неплохо ладишь, уважают тебя. Принципиальный и за своё мнение можешь постоять. Вот, мы хотели бы тебя в парторги предложить.

– А вы уверены, что за меня проголосуют?

– Это дело техники, – уверенно заявил с некоторым юмором начальник спецучастка. – Коммунисты-строители проголосуют за нашего кандидата, а это уже будет большинство. Да и в дирекции строящегося предприятия многие коммунисты не очень-то готовы за Покраскина голосовать. Времена сейчас не те, чтобы нам навязывать кого-то сверху. Тебя мы знаем. Конечно, крови ты нам много попортил, когда председателем профкома стал, но, в конце концов, всё на пользу пошло.

– Послушайте, Покраскин уже собеседование в обкоме прошёл. Будет скандал.

– А ты боишься скандала? – спросил Серёгин, начальник монтажного участка.

– Да нет, не то чтобы я боялся. Я беспокоюсь, что мне работать не дадут. Хотя попробовать можно.

– Ну и хорошо. Мы поработаем эти два дня среди коммунистов, а ты приготовь программу к собранию. Не бойся, тебе не с обкомом же работать, а здесь, на стройке, с нами, – одобряюще сказал монтажник второго участка.

Так Михаил стал неожиданно для себя парторгом. Он помнил, как вытянулись лица представителей обкома и райкома, когда собрание пошло не по их плану. У них даже бюллетени для голосования были подготовлены только на одного кандидата. Пришлось срочно вызывать секретарей-машинисток из управления и дирекции и печатать новые бюллетени с двумя кандидатами. Когда же подсчитали голоса, то совсем растерялись. Каждый из них, наверное, думал о последствиях такого прокола. Потом были поездки в райком партии и в обком, на собеседование и утверждение. Большинство заведующих отделами в этих организациях приняли нового парторга приветливо. За исключением одного. Секретарь обкома Гришук, который курировал стройку и который, собственно говоря, готовил Покраскина на эту должность, не мог простить непослушания. Не принял лично нового парторга и впоследствии, при каждом приезде на стройку, игнорировал партком, ехал сразу напрямую в дирекцию или в управление и не приглашал Михаила на совещания.

Два года проработал Михаил секретарём парткома. По его настоянию создали на стройке комитет комсомола, избрали на должность комсорга молодую и энергичную девушку. Михаилу работа нравилась, хотя всё больше и больше понимал, что партия уже совсем не та, какой она представлялась ему в молодые годы. Он видел, какой огромный ров пролегал между простыми коммунистами, вступившими в партию по убеждению, и партийными функционерами, ставшими ими только благодаря своему образованию, национальности и связям. Он боялся превратиться в одного из таких бездушных функционеров, думающего только о своей личной выгоде и карьере. Когда почувствовал, что люди всё больше и больше отдаляются от партии, что меньше и меньше ей верят, когда до конца понял, что партия превратилась из партии для народа в партию для избранных, он подал заявление об освобождении его с должности парторга.

Сейчас, сидя на диване в квартире брата, он вспомнил случай, который навсегда врезался в память. Дело было в начале осени. Сентябрь случился на редкость жарким и безветренным. Вода в озере за ночь не успевала остывать и под лучами яркого солнца днём становилась тёплой, как в разгар лета. Обычно пустынный в это время года песчаный пляж был заполнен людьми. Многие жители посёлка после работы отдыхали на берегу, смывая усталость и заряжаясь энергией озера на следующий день. И Михаил, закончив все дела, с удовольствием шёл под вечер с семьёй на озеро. Когда ещё выдастся такая погода? В те же дни по посёлку пополз слух о, якобы, готовившемся нападении казахской молодёжи из окружающих посёлков энергетиков населённых пунктов. Вдруг всплыло давно забытое слово «погром».

Михаил только недавно вернулся домой. Целый день ездил по объектам, а потом допоздна оставался в своём кабинете, где беседовал со многими людьми о сложившейся ситуации. Поздно поужинав, он сидел у телевизора и досматривал программу «Время». Прозвонел звонок в дверь. «Кто бы это мог быть?» – подумал Михаил и вышел в коридор. Из кухни выглянула обеспокоенная жена. На её немой вопрос он пожал плечами и открыл дверь. У входа в квартиру стоял Самат – монтажник первого участка. Лампочка в подъезде тускло освещала ещё одного человека за ним.

– Можно войти? – спросил Самат.

– Да, да, заходите, – поспешно ответил Михаил и отошёл в сторону, пропуская непрошенных гостей.

Вошли в зал. Пришла жена, поздоровалась с гостями и спросила:

– Чай поставить?

– Нет, нет, мы ненадолго, – ответил Самат и как-то виновато посмотрел на неё.

Когда жена вышла из зала, он указал рукой на незнакомца.

– Познакомьтесь. Жапар-ага из Учагана.

Михаил пожал протянутую гостем руку и предложил ему сесть. Жапар тяжело опустился в низкое кресло. Хозяин и Самат устроились на диване. Громко работал телевизор. Начинался

фильм, но Михаил отключил его. Он внимательно посмотрел на Жапара, которому, по-видимому, из-за больной поясницы было неудобно сидеть в кресле.

– Если вам удобнее сидеть на стуле, то он вон, у окна, – предложил Михаил.

– Да, я лучше сяду на стул, – согласился Жапар и с кряхтением поднялся из кресла.

Гостю было за шестьдесят. Несмотря на возраст и проблемы со спиной, в нём чувствовалась сила. Под тёплым, не по погоде надетым пиджаком скрывалось натренированное, привычное к физическому труду тело. В потрескавшиеся пальцы рук въелась грязь, которую невозможно было бы отмыть самыми крепкими моющими средствами. Редкие волосы на голове были седыми, и таким же стальным цветом отливались брови над глазами и усы. Его глаза смотрели мудро и устало.

– Что вас привело ко мне? – спросил Михаил, обращаясь к Самату.

Самат, не отвечая, вопросительно посмотрел на старшего. Михаил тоже повернулся к нему, ожидая ответа.

– В Санузеке собрались старейшие со всей округи. Они хотели бы с вами встретиться.

– Давайте встретимся. Завтра приезжайте в партком.

– Нет – сегодня. Они вас ждут в доме у Толебая.

Михаил знать не знал, кто такой Толебай, и куда-то ехать ночью ему не очень-то хотелось.

– А почему нельзя отложить этот разговор на завтра?

– Мы знаем, какие слухи распространяются сейчас в посёлке. На втором участке мастер дал задание рабочим готовить из арматурных прутьев пики на случай нападения казахов. Завтра должен прилететь вертолёт со специальным отрядом военных. Нужно выяснить, откуда поползли слухи и что можно предпринять, чтобы успокоить население. В такой напряжённой обстановке могут быть провокации.

Да, он был прав. Действительно, в посёлке со вчерашнего дня царил напряжённость, в воздухе висело ожидание чего-то страшного и непредвиденного. Слух о том, что, якобы, молодёжь из близлежащих рыбацких колхозов и железнодорожных станций собирается в ночь с пятницы на субботу устроить в городке энергетиков погром, расползся по посёлку. О погромах Михаил читал в книгах и видел в кино. Это слово из далёкого прошлого вызывало страх у людей, мало кто верил в вероятность этого, но всё равно страх распространялся по посёлку, вползал в квартиры, где тревожно сидели люди у телевизоров, где испуганные дети не понимали, почему им нельзя играть на улице, где особенно напуганные паковали сумки и чемоданы, чтобы в пятницу с утра уехать из посёлка куда-нибудь подальше – к своим родным или знакомым – и там переждать тревожное время.

Откуда взялся этот страх? Как родился этот слух? Михаил до конца ещё не разобрался. В среду он был в районном центре на пленуме райкома. Сразу после обеда первый секретарь пригласил его в свой кабинет. Там уже были председатель райисполкома, начальники милиции и КГБ и несколько незнакомых. Лица их сквозили озабоченностью. Первый секретарь в двух словах объяснил ситуацию и попросил Михаила срочно вернуться домой.

Через два часа Михаил был в посёлке. Он сразу завернул в поссовет, где его уже ждали несколько человек. Со слов председателя поссовета, утром ему позвонила женщина-казашка и рассказала о случайно подслушанном разговоре, в котором речь шла о готовившемся нападении на посёлок. Председатель позвонил начальнику управления строительством и рассказал об этой информации. По сути дела, об этом могли знать только трое. Каким образом о готовившемся погроме узнали жители, оставалось загадкой. После обеда ни в поссовете, ни в конторе управления, ни в дирекции не смолкали телефонные звонки. Звонили жители посёлка, мастера и начальники участков, директор школы и заведующие детсадами. Слух мгновенно разлетелся по посёлку и по строительным объектам.

На следующий день утром Михаил зашёл к начальнику управления. Решили вместе проехать по участкам. В посёлке жило много казахских семей. Большинство взрослых работали

на строительстве. Хотелось узнать их мнение об этих слухах. Прежде чем уехать на объекты, заехали в поссовет и договорились, что председатель поссовета поговорит с учителями и продавцами казахской национальности. Встретились снова в кабинете парткома. Пришли начальник поселкового отделения милиции, директор школы. К этому времени подъехал второй секретарь райкома и с ним трое замкнутых в себе, суровых на вид человека. Поездка на участки, беседы в школе и в магазинах никакой ясности не внесли. Большинство из тех, с кем разговаривали, недоумевали – откуда мог родиться такой слух. Один из монтажников обиженно сказал: «Кто-то ляпнул со злобы глупость, а вы подхватили и раздули чёрт знает что!»

Михаил начал тоже сомневаться в реальности возможного нападения на посёлок, но своего мнения пока не высказывал. Во всяком случае, разобраться, откуда вышла вся эта сомнительная история, нужно обязательно. Возможно, встреча с аксакалами, на которую его приглашают Самат и Жапар, внесёт ясность.

– Хорошо, поехали, – сказал Михаил, решительно встал и пошёл в спальню переодеваться.

Следом вошла жена. Видимо, она слышала, о чём говорили в зале.

– Ты что, поедешь? – встревоженно спросила она.

– Да.

– Может, возьмешь кого-нибудь из милиционеров с собой?

– Нет. Не надо. Не беспокойся. Ничего не случится. Самата ты же знаешь? Он поедет со мной.

Михаил вышел в коридор и, кивнув гостям, пошёл к дверям. Внизу у подъезда стоял старенький УАЗ. Жапар сел за руль, Самат устроился на заднем сиденье, а Михаил сел рядом с шофёром. Мотор завёлся тяжело, но потом заработал чисто и без перебоев. Медленно ехали сначала по ухабистой дороге, когда же выехали на асфальт, шофёр прибавил скорость. Свернули на автостраду. Проехали железнодорожную станцию. Слева осталась заправка, показались силуэты домов Акжартаса. За Акжартасом съехали на просёлочную дорогу. Ночь была ясная. Чётко светились звёзды, и в лунном свете кустарники, стоящие вдоль дорог, казались голубыми. В нескольких метрах от машины бежал какой-то зверь. Иногда он поворачивал голову в сторону дороги, и тогда его глаза сверкали каким-то загадочным изумрудным цветом. Всё это: бегущий зверь со светящимися глазами, голубые кустарники, мерцающие звёзды в вышине, полная луна с разводами клякс на ней, причудливые тени от догоняющей машину пыли, пляшущие лучи фар перед ней и ровное урчание мотора – было каким-то неестественным и даже неземным.

Впереди показались саманный дом и большая юрта. Недалеко от юрты топился очаг, и возле него возились женщины. Машина остановилась у юрты. Выходивших из неё обдало смешанной с выхлопными газами пылью.

– Пойдёмте в юрту, – сказал Жапар.

В юрте было немногим светлее, чем на улице. Сверху на шнуре свисала простая керосиновая лампа, стеклянная колба которой давно не чистилась. У круглого низкого стола сидели пять старых казахов. В тусклом свете было трудно определить их возраст. Они прекратили свой разговор, когда приехавшие, пригибаясь у низкой двери, стали входить в юрту. Михаил чувствовал на себе изучающие взгляды стариков, и от этого ему стало неуютно и даже неприятно. Жапар, войдя в юрту, не поздоровался, а сразу прошёл к столу и, сев на застеленный кошмой пол, подоткнул под поясницу большую подушку. Самат торопливо подошёл к сидевшему под расписным ковром седому старику и, склонившись, пожал небрежно протянутую руку. Затем он также уважительно поздоровался с остальными, повторяя каждый раз «Ассаламалейкум, ассаламалейкум». Михаил, поняв, что под ковром на почётном месте сидит старейший или же хозяин юрты, тоже в первую очередь подошёл к нему и уважительно пожал двумя руками мяг-

кую старческую ладонь, сказав при этом «Здравствуйте». Остальным он кивнул, ещё раз сказав «Здравствуйте». Хозяин показал на место возле себя.

– Садись, бастык (начальник), сейчас бешпармак принесут.

Жапар достал из-под столика бутылку водки, подвинул к Михаилу стакан и наполнил его на четверть. Михаилу хотелось быстрее перейти к делу. Если не выпиться, то будешь завтра весь день ходить разбитым. А завтрашний день обещал быть хлопотным. Приедет куча районного и областного начальства, каждый будет себя считать пупом земли, каждый будет давать самые верные и нужные советы, каждый будет требовать отчёта. При этом всей этой толпы «помощников» не нужно здесь быть. Сами бы во всём разобрались. Михаил поднял стакан, аксакалы потянулись своими стаканами к нему, раздался разнобойный стеклянный стук, и затем все дружно выпили. Он закусил кусочком брынзы и стал ждать, когда старейший начнёт разговор.

– Позови Мейрам, – отрывисто сказал старейший, обращаясь к Самату.

Тот торопливо вскочил с места и пошёл к двери. На выходе он придержал полог, и в проём вошла молодая казашка с большим подносом. От крупно нарезанной лапши, обильно политой наваристым бульоном, тотчас же по юрте распространился приятный, вызывающий аппетит запах. Следом за женщиной вошёл подросток, который нес на другом подносе крупные куски мяса, а в центре высилась голова барана. Поднос с лапшой поставили посередине стола, а мясо поднесли к хозяину. Тот взял нож и стал крошить мясо. Когда баранина была разделана, старейший проговорил: «Бисмилла рахым рахмет», сказал ещё несколько невнятных слов, провел ладонями по щекам, потянулся к подносу с лапшой и накрошенным мясом, умело зацепил пальцами пищу и, не проронив ни одной капли жира, отправил еду в рот. Его молитва послужила сигналом. Сидящие за столом сконцентрировались на еде. Михаил тоже взял пальцами тесто с кусочком мяса, осторожно поднёс к губам и начал есть. Ели молча минут пять. Жапар разлил снова водку по стаканам.

– Бастык, – обратился хозяин юрты к Михаилу, – выпьем за дружбу. Казахи, русские, немцы, азербайджанцы всегда мирно жили на этой земле. Что нам делить? Земли вон сколько вокруг. И Балхаш тоже большой, всем хватит места для рыбалки. Не верь тому, о чём рассказывают в посёлке. Мы без КГБ разобрались, откуда появился этот чудовищный слух. Сейчас Самат приведет Мейрам, она всё расскажет.

Он протянул свой стакан к стакану Михаила, слегка стукнул и выпил водку до дна.

Поднялся полог юрты, и в неё вошли Самат и молодая женщина.

– Расскажи, Мейрам, бастыку обо всём.

Женщина заплакала и, всхлипывая, начала рассказывать:

– Мой брат в прошлом году украл невесту в Мынарале и увёз её в Джезказган. Когда родился ребёнок, я позвала их к нам. Он хороший сварщик, и его сразу взяли на работу. Они живут ещё у меня, но начальник участка обещал квартиру в ближайшее время. Родственники моей невесты не знали, куда они уехали. И здесь в посёлке она старалась не выходить на улицу. Мы ждали, когда наш старший брат приедет из Алма-Аты и хотели поехать к родителям невестки мириться. А тут случайно из Мынарала приехала тётя невесты. Она увидела моего брата, когда он на обед с участка приехал, и следом за ним пошла. Эта женщина ворвалась в мою квартиру, поцарапала лицо моему брату, ругалась и угрожала. Она уехала, а через два часа приехала моя подруга и рассказала, что молодёжь – родственники невесты – собираются в пятницу под вечер приехать сюда и устроить драку. Мы разговаривали с моей подругой об этом на балконе, и соседка всё слышала. Она и звонила в поссовет. Я не знала, что она будет в поссовет звонить, и поняла она наш разговор совершенно неправильно.

Женщина плакала и виновато смотрела на аксакалов, вытирая уже мокрым платочком слёзы.

– А откуда жители посёлка обо всём этом узнали? – спросил Михаил

– Наверное, моя соседка растрезвонила.

– Моя дочь находилась на коммутаторе, когда председатель поссовета звонил директору, – вмешался Жапар. – Пенькова – телефонистка – слышала весь разговор. Она и рассказала сразу всем, кто был в этот момент в помещении коммутатора, об этом телефонном разговоре. С одной стороны, соседка Мейрам, с другой стороны, телефонистка подняли панику в посёлке.

– Да, – задумчиво протянул Михаил, – из-за двух женщин, которые не могут язык за зубами держать, всю область чуть ли не на военное положение посадили.

– А что же вы – советская власть и партия, – не разобравшись, сразу тревогу подняли? – обиженно спросил старейший – хозяин юрты. – Столько лет мирно живём, как братья, и вдруг из-за двух сварливых баб нас, казахов, во враги записали. Пики для нас точите, военных ждёте. Эх, вы!

Старик обиженно отвернулся, достал со стоявшего за ним сундука кисет с насваем, вытряхнул из него в ладонь несколько крупинок, ссыпал их осторожно в рот и начал, усиленно посапывая, двигать челюстью. Жапар услужливо наполнил наполовину стакан старика и плеснул остальным понемножку. Выдержав небольшую паузу, Михаил сказал:

– Зря обижаетесь на советскую власть и на партию. Не мы разнесли по всему посёлку этот чудовищный слух. Это, вон, ваши казашки постарались. Ладно, сейчас уже ничего не изменишь. Утром буду звонить в райком, расскажу, как на самом деле всё было. У директора строящегося предприятия в 9 часов совещание, пусть Мейрам туда придёт. Соседку свою, фантазёрку, пусть тоже с собой прихватит. Не знаю, успеем ли военных предупредить, чтобы не прилетали? Ну, а если даже и прилетят, так пускай на Балхаше искупаются. Благо, погода для этого прекрасная.

Он взял свой стакан, протянул к хозяину юрты и слегка стукнул о край его стакана.

– Не обижайтесь, агай (уважительное обращение к старику – авт.), чего только не случается в нашей жизни.

Все выпили. Старик подтянул к себе поднос с головой барана, отрезал кусок уха, выковырял один глаз и протянул их Михаилу.

– На, бастык, чтобы ты хорошо всё слышал и видел.

За столом все довольно засмеялись.

Возвращался Михаил домой, когда начинало светать. От озера стелился по берегу туман, но до дороги не доходил, рассеивался по пути. Мотор УАЗика ровно урчал. Несмотря на усталость и наваливавшуюся временами дремоту, мозг продолжал переваривать всё, что произошло ночью. Понять стариков можно было. Михаилу тоже показалось странным, почему так напугались власти. Ясно, что на фоне прогрессирующей нищеты в колхозах, распространения тотального дефицита на всё было раздражительно видеть, как на глазах растёт рабочий посёлок со всеми удобствами, с большой и светлой школой, учителей в которую набирали по конкурсу, с магазинами, где было сравнительно много хорошего товара, и продуктовое обеспечение было намного лучше, чем в убогих лавчонках в окрестных сёлах. Завидовали, наверное, многие. Особенно злились председатели колхозов, откуда с началом строительства ушли самые лучшие специалисты. Но до такой степени народ вокруг не мог обозлиться, чтобы пойти на такую чудовищную акцию, как погром. Скорее всего, такая быстрая реакция со стороны властей на слухи в посёлке вызвана чем-то другим. Может быть, надо глянуть глубже. Народ нищает, товаров в магазинах всё меньше и меньше. Дошли до того, что импортные женские трусы по талонам недавно раздавали. Зарплату рабочих стали с задержкой выдавать. Не погрома испугались сверху. Власти боятся мало-мальской провокации, потому что знают: любое недовольство людей может перерасти в выступление против них.

Утром Михаил, в первую очередь, позвонил в райком. Он звонил из помещения коммутатора. Было рано, но первый секретарь райкома был на месте. В комнате, кроме Михаила,

оставались только две телефонистки, которые демонстративно натянули наушники. Услышат они разговор или нет, его не волновало. Он в общих чертах рассказал секретарю райкома о ночном разговоре.

– Как ты считаешь, есть, действительно, какая-то опасность? – напрямую спросил секретарь.

– Я уверен, что всё произошло так, как рассказала аксакалам Мейрам.

– Думаешь, не надо военных посылать?

– Конечно же, не нужно. В девять часов совещание у директора строящегося предприятия. Вы знаете, что здесь уже представители из обкома и райкома. Заместитель начальника районной милиции тоже здесь. Я им расскажу о моём ночном разговоре. Мне кажется, надо им всем разъехаться по домам.

– Хорошо. Скажи Апекову, пусть мне позвонит. Я сейчас свяжусь с обкомом, попрошу отменить вертолёт с военными.

На совещании в девять часов Михаил чувствовал, что у людей напряжение спало. Скорее всего, телефонистки уловили суть его разговора с секретарём и успели кое-кого посвятить в этот «секретный» разговор. Ясно же, что лучше всего могут хранить секреты женщины, только делают они это сообща. Михаил удовлетворённо улыбнулся. Он хотел, чтобы эта новость просочилась в посёлок. Как хорошо работает людская молва. Главная цель была достигнута – люди стали успокаиваться. Когда шёл из парткома на совещание в дирекцию, видел оживлённо разговаривающих людей на остановке автобуса, шла бойкая торговля на маленьком базарчике, спешили на строительные объекты рабочие, матери вели детей в детские сады, и беззаботные школьники торопились на перемене к киоску со сладостями. Нормальная жизнь возвращалась в посёлок.

С тех пор прошло больше трёх лет, но те тревожные дни, пережитый страх и растерянность так и остались торчать, как заноза, где-то в самом дальнем уголке мозга. И вот всё снова вспомнилось. Только теперь он смотрел на эти события как бы со стороны, с высоты прошедших лет, более трезво и осознанно. Уже было много написано о партии, уже развалилась, как карточный домик, её идея о всеобщем счастье, уже превратились большие и верные «партийцы-ленинцы» в самых громких обличителей партийных перекосов, уже делили народное добро, нажитое всем миром, по принципу «кто ближе к власти, тому больше всех», уже крестили истово лбы в церквях самые ярые атеисты. Сейчас, после нескольких прошедших лет, Михаил понял до конца, чего боялись там, наверху. Если начался бы переворот снизу, не успели бы сидящие сверху карьеристы перераспределить материальные ценности по своему усмотрению. Поэтому через несколько месяцев утопили в крови выступление студентов в Алма-Ате, рассадили инициаторов волнений по тюрьмам и разослали в ссылку по отдалённым районам.

Хлопнула входная дверь. Пришла хозяйка. Она приветливо поздоровалась с гостем и поспешила в кухню. Скоро придут из школы дети и приедет муж на обед. Надо успеть приготовить на стол. Михаил собрал красные книжечки и положил их в нагрудный карман пиджака. Он получил в поссовете трудовую книжку жены, забытую при отъезде в Германию, взял в ЖЭКе необходимую справку и мог завтра опять отправляться в путь, в гости к другим родственникам. Скоро, если всё пойдет по плану, приедет и последний брат в Германию. Михаил знал, какие хлопоты предстоят теперь этой семье. Нужно будет продать мебель, старенький «Москвич», построенный своими руками гараж. За всё это они получают, конечно же, мелочь. Начнётся муторный этап оформления выездных документов. В каждом учреждении будут вымогать деньги за любую нужную и ненужную справку. За визой надо будет с вечера занимать очередь у здания немецкого консульства. Придётся сутками сидеть в учреждении и ждать билетов на самолёт. И только войдя в салон самолёта в день отлёта, мои родственники, ободранные маленькими и большими чиновниками до нитки, вдруг почувствуют, что горечь

отъезда из страны, где родились и прожили большую часть жизни, после этих убийственных хлопот вдруг исчезла, и сознание наполнится ожиданием встречи с незнакомой страной, где, возможно, с ними, наконец-то, начнут обращаться по-человечески.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.